

Сад Д. А. Ф. де

ЖЮСТИНА,
ИЛИ НЕСЧАСТЬЯ ДОБРОДЕТЕЛИ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЛЮБВИ,
ИЛИ БЕЗУМСТВА СТРАСТЕЙ

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

История в романах

Донасьен Альфонс
Франсуа де Сад

**Жюстина, или Несчастья
добродетели. Преступления
любви, или Безумства страстей**

«Алгоритм»

1797, 1800

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

де Сад Д.

Жюстина, или Несчастья добродетели. Преступления любви, или Безумства страстей / Д. де Сад — «Алгоритм», 1797, 1800 — (История в романах)

ISBN 978-5-486-03635-4

Донасьен Альфонс Франсуа де Сад (1740–1814), вошедший в историю как маркиз де Сад – французский писатель, аристократ и философ; человек, провозгласивший культ наслаждения в преддверии грозных социальных бурь. Он был проповедником абсолютной свободы, которая не ограничивалась бы ни моралью, ни религией, ни правом, а основной ценностью жизни считал возможность достижения высшего личного наслаждения. В произведениях де Сада, написанных, в основном, в заключении (в том числе и в Бастилии), куда он неоднократно попадал по обвинению в разврате и непристойном поведении, патологическая эротика, инцест неотделимы от насилия и жестокости (отсюда садизм). Но все они, в сущности, плод безграничной фантазии автора. «Я обращаюсь, – писал маркиз, – исключительно к людям, способным меня понять, и им чтение моих работ повредить не может». В данном издании представлен один из самых знаменитых и откровенных романов XVIII века «Жюстина, или Несчастья добродетели», опубликованный в 1797 г. без указания имени автора, а также несколько новелл из прижизненного сборника маркиза де Сада «Преступления любви, или Безумства страстей» (1800).

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-03635-4

© де Сад Д., 1797, 1800

© Алгоритм, 1797, 1800

Содержание

Жюстина, или Несчастья добродетели	7
Глава I	7
Глава II	19
Глава III	26
Глава IV	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Жюстина, или Несчастья добродетели. Преступления любви, или Безумства страстей

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2010

© ООО «РИЦ Литература», состав, 2010

* * *

Жюстина, или Несчастья добродетели

Тот не преступник, кто изображает Поступки, что Природа нам внушает.

Глава I

Введение. Брошенная Жюстина

Подлинной философии следовало бы состоять в том, чтобы раскрывать все способы и средства, которыми располагает Провидение для достижения целей, возложенных им на человека, и вслед за тем намечать какие-то черты поведения для несчастного, идущего по тернистой дороге жизни, предостерегать его против всяких причудливых капризов того, что называют то Судьбой, то Роком, то Предопределением, то Случаем, хотя все эти определения столь же ошибочны, сколь и лишены здравого смысла и только затмевают рассудок.

Так, полные пустого, смешного, суеверного почтения к нашим абсурдным условностям, мы, добродетельные люди, встречаем только тернии там, где злодеи срывают розы. Порочные от рождения или ставшие таковыми разве не убеждаются, что они правы, когда больше рассчитывают на уступку пороку, нежели на сопротивление ему? И нет ли известной правоты в их утверждениях, что добродетель, сколь бы прекрасной она ни была, слишком слаба, чтобы победить порок, что в этой борьбе она испытывает жесточайшие удары, и не лучше ли в наш развращенный век поступать так, как поступает большинство? Не правы ли те, кто, ссылаясь на ангела Жерада или Задана, утверждают, что всякое зло непременно служит добру и, следовательно, погружение в порок является лишь одним из способов творить добрые дела? И не правы ли они, прибавляя к этим рассуждениям еще и то, что природе абсолютно безразличны наши моральные принципы и поэтому гораздо лучше быть преуспевающим злодеем, чем погибающим героем?

И вот – нимало не скрывая этого – только для того, чтобы подкрепить эти рассуждения, решаемся мы представить публике историю добродетельной Жюстины. Пора наконец дуракам перестать кадить этому смешному идолу добродетели, который расплачивался с ними до сих пор только благодарностью. Согласимся, что ужасно рисовать с одной стороны те сокрушительные несчастья, которые Небо обрушивало на существо прелестное и чувствительное, несомненно, заслуживающее лучшей участи, а с другой – изображать тот поток благоденствий, который изливался на мучителей и истязателей нашей героини. Но писатель достаточно мудрый, чтобы провозглашать истину, пренебрегает этими трудностями и, будучи жестоким по необходимости, смелой рукой срывает все занавесы, которые пошлость набрасывает на фигуру добродетели, и показывает человеку, не ведавшему, как он обманут, все радости и сладости того, что глупцы и пошляки именуют развратом.

Таковы чувства, руководившие нами в этом труде, таковы мотивы, заставившие соединить с языком самым циничным самые дерзкие теории, самые грязные, самые безнравственные мысли. Мы хотели изобразить преступление таким, какое оно есть, – торжествующим, счастливым, упоенным собой. Мы хотели изобразить добродетель такой, какой мы встречаем ее в жизни, – всегда униженной, всегда страдающей, всегда стойкой и всегда несчастной.

Жюльетта и Жюстина, дочери весьма богатого парижского банкира, с самого раннего детства воспитывались в одном из прославленных монастырей Парижа. Они не знали недостатка ни в добрых советах, ни во внимательных учителях – мораль, честь, религия и таланты, казалось, соревновались друг с другом, чтобы сформировать эти юные души.

И вот все это рухнуло в один момент. Жюльетте было пятнадцать, а Жюстине четырнадцать лет, когда ужасающее, непоправимое банкротство обрушилось на их отца. Он не выдержал такого удара и умер от нервной горячки; супруга пережила его всего несколькими днями. У двух сирот оставались только очень дальние родственники, совершенно равнодушные к судьбе детей. Им вручили их долю наследства – она составила около ста экю для каждой, – открыли двери монастыря и предоставили делать все что заблагорассудится.

Старшая из сестер, прехорошенькая, легкомысленная шалунья Жюльетта, совершенно обезумела от радости покончить с монастырским прозябанием, ничуть не думая об обратной стороне выпавшей на ее долю участи. Более наивная, но и более красивая Жюстина, которой, как мы уже сказали, исполнилось четырнадцать лет, была одарена от природы характером меланхолическим, и будущее страшило ее. Старшая была изящна и остроумна, младшая обладала душой необычайно чувствительной и нежной до беззащитности. Вместо ловкости старшей у младшей было простодушие, обещавшее ей стать жертвой многих ловушек на ее пути.

Это юное создание напоминало собой прелестных девственниц Рафаэля. Большие карие глаза, полные огня и ума, нежная ослепительная кожа, черты лица, словно вылепленные самим богом любви, чудесный голос, восхитительный рот и самые великолепные на свете волосы – вот весьма приблизительный набросок, который может изобразить наше перо. Пусть наши читатели поверят нам, что трудно найти существо более соблазнительное, более волнующее, чем четырнадцатилетняя Жюстина.

Обеим предстояло через сутки покинуть монастырь. Жюльетта попыталась осушить слезы, потоком льющиеся из глаз младшей сестры. Но вместо того чтобы утешать ее, она стала ее упрекать: обвинила ее в излишней чувствительности. Опираясь на весьма рациональную философскую базу, довольно неожиданную в таком возрасте, обличавшую в ней причудливые игры природы, она уверяла сестру, что в этом мире ни о чем не надо скорбеть, что во всяком случае можно отыскать в самой себе такие чисто физические возможности, которые доставят столько плотских радостей, столь сильное наслаждение, что все печали забудутся, и надо испытать чудесные способы на практике, чтобы в этом убедиться. Подлинная мудрость, говорила она, состоит в том, чтобы все более увеличивать количество наслаждений, что нет ничего запретного, что, словом, нужно задушить в себе эту проклятую стыдливость, приносящую нам только печали.

– Смотри, – сказала она, бросившись на кровать и задрав перед глазами изумленной сестры выше пояса свою юбку, – вот что я делаю, когда мне становится грустно. Я пускаю в ход свой палец, я получаю наслаждение, и это успокаивает меня.

Добродетельная Жюстина содрогнулась от этого зрелища и поспешила отвернуться, а Жюльетта, продолжая изо всех сил натирать свой чудесный маленький холмик, не умолкая, убеждала сестру:

– Ты дура, Жюстина. Ведь ты гораздо красивее меня, а никогда не будешь такой счастливой!

При этих словах юная развратница застонала, и ее свежий сок полился так же обильно, как лились бы ее слезы, если бы она не прибегла к столь спасительной процедуре.

– Что ты беспокоишься, дурочка, – продолжала сладострастница, вновь устраиваясь подле младшей сестры, – с нашей внешностью и в таком юном возрасте мы никогда не умрем с голоду.

По этому случаю она рассказала Жюстине о дочери одного из соседей, которая, убежав из дому, сделалась богатой содержанкой и чувствует себя гораздо лучше, чем если бы она осталась в лоне семьи. Жюстину эта история заставила задрожать от испуга. Она призналась, что предпочла бы смерть бесчестьем, а те несколько новых предложений, которые не

преминула сделать ей сестрица, окончательно укрепили ее в решении навсегда покинуть ту, чье поведение внушало ей такой ужас.

На следующий день сестры расстались, даже не пообещав друг другу встречаться, – слишком различны были их дальнейшие намерения. Могла ли Жюльетта, которой предстояло стать гранд-дамой, согласиться принимать у себя столь добродетельную девушку, являющуюся для нее вечным укором? А как могла Жюстина рискнуть встретиться с той, которая посвятила себя беспутству и выставляемому на всеобщее обозрение разврату?

Теперь, с позволения читателя, мы покинем на продолжительное время юную потаскушку, чтобы представить глазам публики все те истории, которые приключились с нашей добродетельной героиней в ее странствованиях по морю житейскому.

Жюстина в детстве была весьма обласкана постоянной портнихой своей матери и не без оснований надеялась на помощь этой женщины. Она отыскала ее, рассказала о своем несчастье, просила у нее какой-нибудь работы... Ее едва узнали, она решительно была отвергнута.

– О Небо! – воскликнуло несчастное дитя. – Возможно ли, чтобы первые же шаги в жизни были столь неудачны!.. Эта женщина так сильно любила меня в детстве, почему же сейчас она отвергла меня? Неужели потому, что теперь я бедная сирота, что мне не на что поддерживать свое существование, а здесь ценят только тех, от кого надеются хоть что-нибудь получить.

Вся в слезах, направилась Жюстина к своему священнику. Она изобразила ему свое отчаяние со всей энергией и пылом юного возраста, и в этом отчаянии она была прелестна: легкое белое платье, роскошные волосы, живописно сбегавшие по плечам, прикрытым воздушной мадрасской косынкой. Опытный взгляд развратника мог без труда различить под газовой накидкой уже вполне развившуюся грудь. Лицо ее, чуть побледневшее вследствие печали, мучившей ее, слезинки, дрожавшие на ее ресницах, – невозможно было быть прелестней...

– Вы видите меня, сударь, – обратилась Жюстина к святому отцу, – да, вы видите меня в самом прискорбном положении: я потеряла обоих родителей; небо отняло у меня их в том возрасте, когда мне более всего необходима их помощь, а умерли они совершенно разоренными. Вот все, что они оставили мне, – добавила она, показывая двенадцать луидоров. – У меня нет даже угла, где я могла бы преклонить свою голову. Вы ведь сжалитесь надо мной, сударь, не правда ли? Вы – служитель Церкви, а Церковь – прибежище и приют всех добродетелей. Во имя Бога, которому она служит и которого я обожаю всеми фибрами своей души, во имя Высшего Существа, чьим органом вы являетесь, скажите мне, мой второй отец, что мне делать и как мне выбиться в люди?

Внимательно разглядывая Жюстину, милостивый священник отвечал, что приход его очень перегружен, что дела идут слишком плохо, чтобы помочь Жюстине, но если она хочет служить и не чурается черной работы, то для нее всегда найдется на кухне кусок хлеба. Говоря все это, он осторожно поглаживал складку юбки Жюстины и так прикасался к ее ягодицам, что она, угадав его намерения, резко отодвинулась и воскликнула:

– Сударь, мне не надо ни милости, ни места служанки. Я пришла к вам за другой помощью, пришла за советами, в которых так нуждаюсь теперь, а вы хотите взять с меня за это слишком дорогую плату!

Служитель Христа, взбешенный тем, что его намерения разгаданы и отвергнуты, вскочил с места и громким голосом позвал свою племянницу и ее служанку.

– Вышвырните вон немедленно эту маленькую негодницу! – закричал он. – Вы не представляете, что она осмелилась мне только что предлагать. Столько порока в таком возрасте!.. И кому, мне, человеку... Пусть она убирается отсюда, пусть убирается, а не то я велю ее арестовать!

И несчастная Жюстина, отвергнутая, оклеветанная, обливаясь слезами, покинула дом презренного аббата. Побродив по улицам, она увидела дверь, на которой висело объявление, что на пятом этаже сдается небольшая комната. Она вошла в дом, заплатила аванс и, оставшись одна, залилась горячими слезами, и не только потому, что была чрезвычайно чувствительна, но и потому, что ее гордость в первый же день ее самостоятельной жизни была так жестоко оскорблена.

Но беды Жюстины не были исчерпаны этими огорчениями. В мире есть множество злодеев, которых не только не трогают страдания скромных девушек, а, напротив, лишь побуждают использовать в своих грязных целях их беды. Из всех разочарований, выпавших на долю Жюстины в самом начале ее печальной истории, мы расскажем только об ее встрече с Дюбуром, самым богатым, но и самым жестоким из парижских откупщиков.

Квартирная хозяйка Жюстины направила бедную сироту к господину Дюбуру: такой богатый и благородный человек не может не помочь красивой девочке, оказавшейся в тяжелейшем положении. После долгого ожидания в прихожей Жюсти-ну наконец ввели в кабинет. Господин Дюбур, маленький толстяк, бесцеремонный, как все финансисты, только что встал с постели, его то и дело распахивающийся халат прикрывал дезабилье – господин Дюбур ждал куафера.

– С чем же вы ко мне пришли, дитя мое? – осведомился Дюбур.

– Сударь, – отвечала, скромно потупившись, наша простушка, – я бедная сирота, мне едва исполнилось четырнадцать лет, но я уже успела узнать всевозможные бедствия. Я зываю к вашему состраданию, заклинаю вас – пожалейте меня!

И, не переставая плакать, Жюстина стала подробно рассказывать явно заинтересовавшемуся ею старому злодею о всех своих неудачах при поисках места, не умолчав и о том омерзении, которое внушали ей некоторые предложения. Она закончила дрожащим голосом, что надеется, что такой богатый и щедрый человек, как господин Дюбур, несомненно, поможет найти ей средства к существованию.

Рассказ девочки привел Дюбура в возбуждение. Он раскраснелся, начал одной рукой раскачивать под полами халата свой вяло висевший член, другая же рука держала лорнет, направленный на прелести Жюстины.

Дюбур этот был закоренелый распутник, большой любитель юных девиц, щедро вознаграждавший женщин, поставляющих к его столу подобную дичь. С ними Дюбур осуществлял свои фантазии, которые были столь же жестоки, сколь и своеобразны: его единственной страстью было видеть доставшихся ему девочек в слезах. Надо признаться, добиваться этого он умел как никто на свете... У презренного плута имелось в запасе столько злодейских выходок, столько ядовитых поддразниваний, что бедным девчонкам трудно было удержаться от слез, и обрадованный Дюбур тут же добавлял к мучениям моральным плотские, – слезы лились еще пуще, и варвар наслаждался в полной мере, покрывая поцелуями заплаканное личико жертвы.

– Будете ли вы теперь благоразумны, чтобы добиться успеха? – строго спросил он Жюстину.

– Ах, сударь, – отвечала она, – если б я не была благоразумна, разве оказалась бы я теперь в таком положении? Нет, я бы не была уже ни бедной, ни отверженной.

– А чего же вы хотите от богатых людей, если вы сами ничем не собираетесь послужить им? – последовал новый вопрос.

– О сударь, мне ничего не надо, кроме того, чтобы получить службу, приличествующую моему возрасту и благопристойности!

– Да я вовсе и не говорю о службе! С вашей внешностью и в вашем возрасте к чему служить! Я говорю о том, что вы должны радовать мужчин. Какая польза от вашей хваленой добродетели? Ладан, который вы тщетно воскуряете перед этим алтарем, вас не накормит.

То, что меньше всего ценится людьми в вашем поле, то, что они больше всего презирают, это как раз и есть так называемое благонравие. Ныне, дитя мое, ценится лишь то, что приносит или доход, или наслаждение, а какой доход, какая радость от женской добродетели? Как раз отсутствие добродетели радует нас и привлекает. Люди моего сорта дают лишь для того, чтобы что-то получить за это. А чем такая молоденькая девица, как вы, впрочем довольно некрасивая и к тому же глупая, может отплатить за все, что для нее сделают? Только тем, что полностью отдаст свое тело. Ну так подберите повыше ваше платье, если хотите получить от меня деньги.

Рука Дюбура потянулась к ляжкам Жюстины, намереваясь поудобнее устроиться между ними. Прелестное создание поспешно отшатнулось и воскликнуло со слезами:

– О сударь! Неужто и впрямь нет больше на свете порядочных и добрых мужчин?

– Бог весть, – живо откликнулся Дюбур, который при виде слез Жюстины ускорил темп движения руки, мастурбирующей под халатом. – Очень мало, если говорить правду. Теперь забывается манера помогать другим даром, теперь поняли, что радости благотворительности – это всего лишь сладострастие гордыни. Теперь хотят радостей более ощутимых, более материальных. Самое главное теперь – пользоваться плодами наслаждения.

– Боже мой! Значит, несчастные обречены на гибель?

– Эка важность! На свете и так много лишних ртов.

– Но как же должны будут дети относиться к своим родителям, если те станут рассуждать подобно вам? Может быть, слабых или больных лучше душить прямо в колыбели?

– А почему бы и нет? Этот обычай, кстати говоря, распространен во многих странах. Так было у древних греков, так происходит сейчас у китайцев. А для чего, к примеру, оставлять жить существо, подобное вам, которое не может надеяться на помощь своих родителей или потому, что лишилось их, или вообще никогда их не знало? Бастарды, сироты, уроды должны приговариваться к смерти сразу же после рождения; первые и вторые потому, что нет никого, кто бы мог о них позаботиться, и значит, эту заботу должно взваливать на себя общество, а последние потому, что ни на что не годятся. Общество должно поступать с ними как садовник поступает с засохшими, не приносящими плодов растениями...

И здесь Дюбур распахнул полы халата, скрывавшие до сих пор его манипуляции, и продемонстрировал Жюстине то, чего ему удалось добиться от своего сморщенного аппарата, которым он так долго занимался в течение всего предыдущего разговора.

– Ладно, – проговорил Дюбур, – хватит болтать о том, чего ты не понимаешь, и перестань жаловаться на судьбу: от тебя одной зависит поправить ее в свою пользу.

– Но какой ценой, Боже праведный?!

– Ничтожной... Всего-то нужно, чтобы ты подняла юбки, мне необходимо увидеть, что ты скрываешь под ними. Думаю, что ничего хорошего там нет, так что тебе не стоит так долго упрямяться. Давай-ка, черт возьми, решайся, у меня уже стоит... Мне надо увидеть телеса... Немедленно, а то я рассержусь.

– Но, сударь...

– Перестань болтать, тварь бессмысленная, безмозглая шлюха, или ТВІ думаешь, что с тобой я буду лучше, чем с другими?!

С этими словами разбушевавшийся распутник накинудся на Жюстину. Слезы потоком лились по ее лицу, и он слизывал эти драгоценные капли, словно росу с листьев розы или лилии. Затем, одной рукой задрал платье Жюстины, он пустил свою вторую руку в первый раз попутешествовать по тем ее прелестям, над которыми так старательно потрудились природа.

– Презренный человек! – воскликнула Жюстина. – Пусть Небо воздаст тебе однажды по заслугам за твою отвратительную черствость. Ты недостоин ни того богатства, которому

ты нашел такое мерзкое употребление, ни даже воздуха, который ты оскверняешь своим дыханием. – И, собрав все свои силы, она вырвалась из рук Дюбура.

Вернувшись к себе, бедняжка не нашла ничего лучшего, как пожаловаться своей хозяйке на тот прием, который ей оказали в доме, рекомендованном с лучшей стороны этой почтенной дамой. Но каково же было ее удивление, когда вместо слов утешения она услышала жесточайшие упреки.

– Идиотка несчастная, – возмутилась хозяйка, – уж не думала ли ты, что мужчины будут творить тебе милостыню, ничего не требуя взамен? Господин Дюбур поступил как надо. Черт меня побери, но я бы на его месте ни за что бы тебя так не отпустила. Ну что ж, раз ты не хочешь по-хорошему, пусть будет по-плохому. Ты мне немедленно заплатишь деньги или завтра же познакомишься с тюремной похлебкой. За тобой должок. Или ты платишь сегодня же, или завтра – тюрьма.

– Где же ваше милосердие, мадам?

– О да, милосердие! С твоим милосердием живехонько околеешь с голоду. Бог ты мой – почти пять сотен девиц доставила я этому доброму господину, и ты первая, которая сыграла со мной такую шутку! Что он теперь обо мне подумает! Какой позор! Он скажет, что я не знаю своего ремесла, он сообщит об этом другим. Нет, милочка, собирайся, надо вернуться к господину Дюбуру, надо его удовлетворить и принести мне деньги. Я встречу с ним, я его предупрежу, я исправлю твою дурость, а ты уж постарайся впредь вести себя как следует. Собирайся, я скоро вернусь.

Оставшись одна, Жюстина погрузилась в горчайшие размышления. «Нет, – глотая рыдания, сказала она себе решительно, – я не вернусь к этому распутнику. У меня хватит денег продержаться еще некоторое время. А там, может быть, я найду души не столь закопелые в разврате, сердца менее черствые».

Она двинулась к комоду, чтобы пересчитать свои средства, открыла ящик... О Небо! Ее обокрали! Теперь у нее осталось лишь несколько монеток, лежавших в ее карманах, всего шесть ливров.

– Я пропала, – воскликнула несчастная. – Но я догадываюсь, кто нанес мне этот удар. Вот так, лишив меня всяких средств к существованию, недостойная женщина хочет заставить меня кинуться в пропасть греха... Но... – продолжала Жюстина, – Увы! А как же иначе я смогу теперь жить? В таком ужасном положении неужели лишь этот злодей или подобные ему только и могут помочь?

В отчаянии Жюстина спустилась к своей хозяйке.

– Мадам, – обратилась она к ней, – меня обокрали. И где? У вас, в вашем доме, где я доверчиво оставила свои деньги. Увы, больше у меня ничего нет; это было все, что оставалось у меня от покойного батюшки, и мне придется теперь только умереть. Верните мне деньги, мадам, я вас заклинаю!

– Нахалка! – не дала ей закончить хозяйка. – Да знаешь ли ты, что в моем доме ничего такого случиться не может! Сейчас же скажи, кого ты смеешь подозревать, а то сама сию же минуту окажешься в полиции. Меня там знают и уважают мой дом.

– Я никого не подозреваю, мадам. Я к вам пришла не с подозрениями, а с жалобами, с просьбами. В моем положении это понятно и простительно. Что же мне делать теперь, когда пропала моя единственная надежда?

– С тобой будет то, что будет, меня это не касается. Способ поправить твоё положение есть, но ты, видишь ли, от него отказываешься!

Эти слова погасили луч надежды в сердце Жюстины.

– Но, мадам, – отвечала плачем несчастная девочка, – я хочу честно зарабатывать свой хлеб. Разве я не могу пойти в служанки к кому-нибудь? Неужели, только преступив законы божеские и человеческие, можно добыть себе пропитание?

– Ну разумеется! Такова теперешняя жизнь. Да и что ты заработаешь служанкой? Десяток экю в год; как ты сможешь прожить на это? Поверь мне, милочка, что служанки все равно подрабатывают распутством, иначе они бы протянули ноги. Я-то знаю, немало их обращается ко мне. Посмотри на меня; не хвально скажу – я самая лучшая сводня во всем Париже. Каждый день не меньше двух десятков девиц прибегает к моим услугам. Это мне приносит... Да ладно. Словом, я уверена, что во всей Франции нет женщины, которая так хорошо знала бы это дело. Взгляни, – продолжала она, выложив перед Жюстиной пригоршню монет, – тут хватит и на драгоценности, и на роскошное белье, и на платье, и все это ты можешь заработать очень легко. А ты нос воротишь... Черт побери, доченька, ведь это единственное стоящее ремесло для нашей сестры. Решайся! Поверь мне, тут нет ничего страшного... Тем более этот славный человек ничуть тебе не опасен. У него давно уже не стоит, как же он может е...? Ну ударит несколько раз по попке, даст пару-другую пощечин – вот и все его радости. А если ты будешь вести себя хорошо и он останется тобой доволен, я познакомлю тебя с другими богатыми старичками, и не пройдет и двух лет, как ты со своей фигурой и личиком сколотишь такое состояние, что будешь разъезжать по Парижу в карете.

– У меня не столь изысканные вкусы, – отвечала Жюсти-на. – Такая судьба не для меня, особенно если платить за это надо ценой спасения души. А я ведь хочу только одного: чтобы мне помогли как-нибудь не умереть с голоду. И тот, кто мне в этом поможет, пусть рассчитывает на любую мою благодарность. Прошу вас, мадам, удостоьте меня вашим благоволением: пока я не нашла место, одолжите мне всего один луидор; я вам верну долг, поверьте мне, как только получу свой первый заработок.

– И двух су от меня не получишь, – проговорила мадам Дерош, весьма довольная зрелищем безнадежного положения Жюстины. – Двух су не получишь от меня задарма, а я предлагаю тебе гораздо большую сумму. Выбирай – или то, что я тебе предлагаю, или приют для потаскушек. Кстати, господин Дюбур – один из покровителей этого заведения, он очень легко может тебя туда определить. Здравствуй, душенька, – продолжала мадам Дерош, обращаясь к вошедшей в эту минуту высокой хорошенькой девице, явно пришедшей узнать о работе. – А тебе – до свиданья, голубушка, и помни: завтра или деньги, или тюрьма.

– Ну что ж, мадам, – вздохнула Жюстина, – предупредите господина Дюбура. Раз вы ручаетесь, что он меня не обесчестит, я к нему приду. Приду. Мое положение не дает мне другого выхода, но знайте, мадам, что я никогда не перестану презирать вас за ваш поступок.

– Вот несносная девка, – проговорила Дерош, выпроводив Жюстину и закрыв за ней дверь. – Ты заслуживаешь того, чтобы я тебя бросила окончательно, но я делаю это не для тебя, я думаю о другом. А на твои чувства мне наплевать...

Перо наше не в силах описать ужасную ночь, проведенную Жюстиной в горестных размышлениях. Воспитанная в принципах веры, стыдливости и целомудрия, которые она буквально всосала с молоком матери, она не могла не думать о предстоящем ей испытании без душераздирающих сомнений. Перебирая в уме тысячи способов, которые помогли бы ей избежать благодеяний мадам Дерош, и видя всю их бесполезность, она так и не заснула до утра. А утром в ее комнату вошла сама мадам Дерош.

– Поднимайся, Жюстина, – произнесла она тоном приказа. – Мы будем сейчас завтракать с одной моей приятельницей, и поздравь меня с успехом моей миссии: господин Дюбур, поверив в мое обещание, что ты будешь умницей, согласился тебя принять еще раз.

– Но, мадам...

– Давай, давай, собирайся, перестань глупить, шоколад уже готов. Иди за мной.

Жюстина покорно последовала за сводней: неосторожность – вечная компаньонка несчастья. Жюстина слышала только голос своей нищеты.

Очень миловидная женщина лет двадцати восьми ждала их за накрытым столом. Эта женщина, полная ума и изящества, глубоко развращенная и столь же богатая, сколь и любез-

ная, столь же ловкая, сколь и красивая, вскоре, как мы увидим, станет надежной помощницей Дюбура в соответствующем духе.

Завтрак начался.

– Какая прелестная девчушка, – произнесла мадам Дель-монс, – можно от души поздравить того, кто будет ее обладателем.

– Вы так добры, мадам, – смущенно пролепетала Жюстина.

– Ну полно, сердце мое, – воскликнула мадам Дельмонс, – зачем же так краснеть? Стыдливость – ребячество, которое надо забыть, когда наступает зрелый возраст, возраст разума.

– О, я вас умоляю, мадам, – вмешалась Дерош, – помогите образовать эту девчонку: она считает себя погибшей оттого, что я подыскала ей солидного покровителя.

– Бог мой! Какая чудачка, – ответила Дельмонс. – Не вздумайте отказываться от этого предложения, Жюстина... Вы должны быть глубоко признательны тому, кто вам его делает. Какой чепухой, дитя мое, набита ваша голова! Разве может юное существо пренебрегать тем, у кого оно вызывает страстное желание? Женское целомудрие, женское воздержание – эти добродетели не пользуются сейчас никаким успехом, никогда не признавайтесь в этом, глупышка. Когда страсти проснутся в вашей душе, вы увидите, что нам просто невозможно жить с такими взглядами. Зачем же женщине чувствительной, женщине страстной все время подавлять в себе эти чувства? Ведь все вокруг говорит ей о наслаждении жизнью. Не обманывайтесь, Жюстина, эти ваши добродетели могут только погубить вас, замучить, изнурить. А как приятно носить маску! Носите маску, умеете изображать себя – это все, что от вас требуется. Та из нас, которая получит репутацию кокетки, будет, конечно, не так довольна жизнью, как та, которая, занимаясь всеми видами разврата, слывет тем не менее женщиной благопристойной – вот подлинная удача в жизни! Значит, так называемая добродетель, целомудрие – это всего лишь епитимья, наложенная на наш пол мужчинами. Я поясню это на своем примере, Жюстина. Вот уже четырнадцать лет, как я замужем; ни на минуту не теряла я доверия моего супруга, он всюду прославляет мою сдержанность, мою верность ему. А ведь я с самых первых дней супружества бросилась во все тяжкие и думаю, что вряд ли отыщешь в Париже вторую такую замужнюю даму. Не было дня, чтобы я не перепробовала по семь или восемь мужчин, причем иногда по трое зараз. Меня знают все парижские сводни, а мой супруг поклянется тебе, если ты его спросишь, что сама богиня Веста не была столь целомудренной, как я. Вот как ловко ношу я эту достойную маску. Я ненасытна, как Мессалина, меня зовут Лукрецией. Я безбожна не хуже Ванини, меня называют святой Терезой. Словом, я поклоняюсь всем мыслимым порокам, я плюю на все условности, но если ты спросишь обо мне кого-нибудь из моего семейства, тебе ответят: «О, Дельмонс – это ангел». Я – ангел, а ведь сам князь тьмы знает, возможно, меньше пороков. Тебя пугает, ты говоришь, проституция? Какая чушь, дитя мое! Давай рассмотрим ее со всех сторон – чего же в ней страшного? Страшно то, что она делает юную девушку распутницей? Да ведь это означает всего-навсего уступку самым сладким движениям природы! Ведь природа мудра, и если бы эти движения, эти помыслы были опасны, она бы и не знала их! Найдешь ли ты хоть одну женщину, которая ни разу в жизни не испытывала желания отдаться мужчине, желания настолько же непреодолимого, как голод и жажда? Вот я тебя и спрашиваю: разве природа может внушить женщине желание, которое было бы преступным? Хочешь рассмотреть этот вопрос с точки зрения отношения к обществу? Изволь. Я думаю, что вряд ли можно найти для того пола, который делит с нами весь мир, более приятное занятие, чем возлежать с молодой женщиной. И если все мы, весь наш пол оказался бы вдруг подвержен тем ложным взглядам, которые нам проповедуют ханжи и святоши, что прикажешь делать другой половине рода человеческого?

Что им останется, если они будут встречать постоянный отказ с нашей стороны? Собственный кулак или задница приятеля. Но ведь это же, вспомни, даже ты считаешь грехом! Ты станешь меня уверять, что все эти вопросы решаются в браке? Да, если решишься ограничить себя на всю жизнь одним мужчиной или одной женщиной. Но опять же с этим не согласна природа, и ты сама можешь легко найти примеры, подтверждающие это положение. Природа не терпит все эти глупые, несносные догмы, созданные нашей цивилизацией; слушать только ее голос – вот самый верный путь никогда не ошибаться в жизни! Словом, милая Жюстина, поверь той, которая обладает опытом и знаниями. Самая нужная вещь для девицы – уступать всем желаниям, которые внушает ей природа. Но, разумеется, как я тебе только что говорила, надо при этом не забывать о внешних приличиях.

Вчера ты возмущалась теми предложениями, которые тебе дала наша добрая и умная мадам Дерош. Ах, душечка, а что мы могли бы делать без этих готовых к нашим услугам созданий? Есть ли во всем мире профессия более необходимая и более заслуживающая признания, чем профессия сводни? Ее уважали во все времена и у всех народов: греки и римляне возводили храмы богине сводничества, великий Катон был сводником у своей супруги, Нерон и Гелиогабал в своих дворцах устраивали бордели. Вся природа – сводня. Словом, самое достойное занятие в жизни – уметь хорошо сводничать.

– Вы очень добры, мадам, – вмешалась в разговор Дерош, – так приятно слышать комплименты в свой адрес.

– О боже мой, – воскликнула Дельмонс, – да я просто говорю то, в чем уверена всем сердцем и разумом. И совершенно искренне поздравляю Жюстину ей удивительно повезло, что именно вы попались ей в начале ее карьеры. И пусть она смело следует вашим советам, мадам, пусть она слушает только вас, и я могу обещать ей самую легкую, самую приятную жизнь...

Стук в дверь прервал увлекательную беседу.

– Ах, – воскликнула Дерош, встречая гостя, – это тот молодой человек, о котором ты меня просила, Дельмонс.

При этих словах роскошный великан ростом в шесть с лишним футов, сложения Геркулеса и красоты Амура, появился в салоне.

– Он прекрасен, – воскликнула наша мудрая распутница, внимательно разглядывая вновь пришедшего. – Теперь надо бы проверить, действительно ли он так могуч, как обещает это его внешность. Ты видишь огонь в моих глазах, Дерош? Видишь, как они загорелись от предвкушения! Давно меня так не тянуло к мужчине, как в эту минуту. Клянусь Богом, – продолжала блистательная шлюха, бесстыдно целуя гостя, – нет больше сил терпеть!

– Надо было меня предупредить, – сказала Дерош, – я бы пригласила трех или четырех.

– Ладно, испытаем пока этого! – И, обняв одной рукой впервые увиденного ею юношу, бесстыдница другой принялась расстегивать его штаны, совершенно не обращая внимания на обомлевшую от ужаса Жюстину.

– Мадам, – пролепетала та, вся залившись краской, – разрешите мне уйти.

– Черта с два, – ответила Дельмонс. – Ни в коем случае. Дерош, не вздумай ее выпустить. Я хочу после теоретической лекции дать ей практический урок. Надо, чтобы она была свидетелем моих забав. Это уникальный случай как можно быстрее заставить ее войти во вкус. А ты, Дерош, ты-то постоянный свидетель моих безумств. Ты знаешь, как я люблю, чтобы ты исполняла свою роль до конца и буквально. Кому, как не сводне, сводить концы с концами! Ведь самое приятное для меня, душечка, когда ты своими руками вводишь в меня мужское оружие. А как ты меня ласкаешь во время любви, как трудишься над моим клитором, над моим задом! Без тебя мне и е...я не е...я! Итак, к делу, милочка, к делу! А ты, Жюстина, усаживайся напротив и постарайся не пропустить ни одного движения.

– О мадам, – воскликнула сиротка сквозь слезы, – отпустите меня ради Бога! Поверьте, что зрелище, приготовленное вами для меня, внушит мне только отвращение.

Но Дельмонс, натура цельная и неумолимая, не хотела и слушать эти мольбы, а Дерош крепко держала Жюстину за руки.

Пришлось покориться. Действие началось.

Все подробности самого возбуждающего сладострастия были развернуты перед взорами нашего испуганного ребенка. Заменяя Дерош, она принуждена была исполнять ее роль: схватить ужасающий член, едва уместившийся в обеих ее ладонях, приблизить его к жерлу Дельмонс, ввести его туда, да еще подвергаться, несмотря на всю гадливость, ласкам этой грязной распутницы. Дельмонс, изощренная в искусстве любви, увеличивала свое наслаждение, страстно целуя невинные детские уста, между тем как мощный атлет ударами своего чудовищного органа пять раз кряду повергал ее в сладостный обморок.

– Черт возьми, – произнесла, придя в себя, новая Мессалина, – никогда мне не было так хорошо. А знаешь, Дерош, чего мне теперь хочется? Чтобы эту маленькую кривляку лишили бы невинности тут же, той же самой дубиной, которую только что отведала я. Каково? Недурная мысль?

– Нет, нет, – решительно возразила Дерош, – мы так ее, чего доброго, уьем, и плакали все мои денежки!

Проект был оставлен, и наши воители решили подкрепить свои силы. Шампанское полилось рекой, пирожные и трюфеля сделали свое дело: Дельмонс снова бросила вызов своему победителю. Жюстине, приговоренной к тем же трудам, пришлось снова вкладывать клинок в ножны. Надо было видеть, с каким трудом, с каким отвращением выполняла она возложенные на нее обязанности! Но теперь ей пришлось добавить к ним еще одну: распутница захотела, чтобы на этот раз клитор ей щекотала Жюстина. Дерош должна была взять Жюстину за руку и направлять ее, но робкая неумелость возмутила распалившуюся Дельмонс.

– Ты, ты займись мною, Дерош! – закричала она, – Развращать невинность – это утеха лишь для сознания, а в деле ее неумелость ни черта не стоит. Особенно для меня, которую могут утомить только пальцы десяти Сафо и члены десяти Гераклов!

Второй сеанс, как и первый, окончился обильными возлияниями на жертвенник Венеры. Дельмонс приводила себя в порядок, кавалер ее отправился восвояси, а Дерош, накинув мантильку, извинилась перед подругой – назначенное с Дю-буром свидание мешает ей остаться в такой славной компании. Госпожа Дельмонс на несколько мгновений погрузилась в раздумье.

– Дерош, – произнесла она затем, – чем больше я распутничаю, тем сильнее мне хочется чего-то новенького. Послушай, а что, если ты возьмешь меня с собой к Дюбуру? Мне охота посмотреть, что выдумает старый козел, чтобы разжечь нашу соплячку. Если ему понадобится моя помощь, за мной дело не станет: ты ведь знаешь, что мне приходилось встречаться с такими старцами и я распалить их умела не хуже Агнессы. И очень часто они предпочитали мои прелести более свежим. Искусство здесь значит очень много, и я заставляла их расплескать свою чашу быстрее, чем это сделала бы сама Геба.

– Что ж, это вполне возможно, – отвечала Дерош, – Я хорошо знаю своего старичка и думаю, он не будет в обиде, если вместо одной дамы я ему доставлю двух. Едем!

Фиакр был подан. Трепеща от страха, Жюстина села первой, и экипаж двинулся в путь.

Дюбур был в одиночестве. Он встретил визитеров в еще более сумрачном настроении, чем накануне: угрюмая подозрительность, грубая животная страсть, жестокость – все это отражалось в его глазах.

– Сегодня вы рассчитывали, сударь, только на одну даму, – оповестила еще от дверей Дерош, – а я привела вам двух. Думаю, вы не выберете меня за это, тем более что одна из

них с большой неохотой согласилась участвовать в ваших развлечениях, и я подумала, что не будет ничего неудобного для вас, если я приглашу вторую, чтобы ободрять и поддерживать первую.

– А кто эта вторая? – спросил Дюбур, кинув на Дельмонс подозрительный взгляд.

– Прелестная дама, одна из моих лучших подруг, – отвечала Дерош. – Ее исключительная готовность на все равна ее красоте, и она особенно окажется вам необходимой именно в тех утехах, которые вы хотите сегодня испытать с нашей очаровательной Жюстиной.

– Как, – удивился Дюбур, – ты думаешь, что одним сеансом дело не кончится?

– Может так случиться, – пояснила Дерош, – что вмешательство моей приятельницы будет вам чрезвычайно кстати.

– Ладно, увидим, – пробурчал Дюбур. – А теперь ступайте, Дерош, ступайте! Да, – вдруг остановил он сводню, – вы все это держите в памяти. Какие у нас сейчас счета?

– С тех пор как вы со мной рассчитались, прибавилось еще почти сто тысяч франков.

– Сто тысяч франков? Боже праведный!

– Но пусть месье вспомнит, что я ему доставила более пяти сотен девиц, они все у меня записаны. Месье, я уверена, знает, что я никогда не обманываю, ни на одно су!

– Хорошо, хорошо, мы потом займемся всем этим, а теперь, Дерош, идите. Я чувствую, что мне пора остаться одному с этими дамами. А вы, Жюстина, пока еще ваша наставница не покинула нас, не забудьте поблагодарить ее: это благодаря ей я согласился еще раз принять вас и попытаться вам помочь. Но если вы снова будете вести себя подобно вчерашнему, то в моей передней, должен вас предупредить, дожидаются два господина, которые отведут вас в такое место, откуда вы не выйдете до конца своих дней.

При этих словах Дерош выскочила за дверь.

– О сударь, – взмолилась плачущая Жюстина, падая к ногам неумолимого варвара. – Смягчите свое сердце, умоляю вас! Будьте благородны и помогите мне, не требуя от меня того, что стоит мне так дорого. Я скорее соглашусь отдать вам свою жизнь. Да, – продолжала она в порыве самого искреннего чувства, – я предпочитаю тысячу раз умереть, чем нарушить те законы морали и благочестия, которые я познала с младенчества. Сударь, не заставляйте меня, прошу вас! Какую радость получите вы, видя отвращение и слезы? Неужели вас не станет терзать совесть, когда...

Но тут произошло событие, помешавшее несчастной девушке продолжить. Хитроумная Дельмонс, угадав по движению бровей Дюбура, что творится в его черной душе, подошла к креслу этого чудовища и, чтобы отвлечь его от пронзительных иеремиад Жюстины, встав на колени, стала одной рукой его мастурбировать, а другой в то же время сократизировать¹.

– Дьявол меня побери! – завопил воспламененный этой процедурой Дюбур. – Пощадить тебя! Да я лучше тебя задушу, сволочь!

С этими словами он вскочил как бешеный, явив на обозрение свой маленький высохший стебель, и бросился на добычу, в остервенении срывая все то, что скрывало плоть, которой он пламенно стремился насладиться, от его похотливых глаз. По очереди он бранился и льстил, истязал и ласкал.

Боги великие! Какая картина открылась перед глазами Жюстины! Словно природа при первом же возможном случае старалась запечатлеть в ее душе все омерзение от того,

¹ Всем распутникам известно, что сократизирование означает действие, когда один или несколько пальцев вставляют в задний проход пациента. Этот чрезвычайно возбуждающий прием особенно хорош со стариками или с людьми достаточно изношенными – он мгновенно вызывает эрекцию, а извержение семени делается невероятно сладострастным. Те же, для кого палец может быть заменен членом, испытывают еще большее наслаждение, поскольку вместо иллюзии наступает реальность. Мир не знает более изысканного удовольствия, чем быть одновременно и исполнителем, и жертвой. (Примеч. авт.)

что в избытке ждало ее впереди. Обнаженная Жюстина была брошена на кровать, и пока Дельмонс держала ее, распутник Дюбур сумел проинвентаризировать прелести той, которая очень хотела быть в этот критический момент его помощницей, – сводни.

– Подождите, друг мой, – сказала мошенница Дельмонс. – Я чувствую, что вам мешают мои юбки. Я тотчас обнажу предмет, который, мне кажется, вызовет ваше особенное внимание. Вам хочется увидеть мой зад! Я понимаю... Я ценю эти особенности вкуса людей вашего возраста². Ну вот, мой друг, вот он! Он, правда, чуть полнее, чем попка этого ребенка, но пусть вас позабавит и контраст. Хотите видеть их рядышком?

– Еще бы, черт побери, – прорычал Дюбур. – Сядьте-ка на нее верхом: я попробую взять ее в зад и буду одновременно целовать ваши прекрасные ягодички.

– А, проказник, вижу, что вам надо, – воскликнула Дельмонс и проворно вскарабкалась на Жюстину, оседлав ее таким манером, что та не могла вырваться из-под этого груза и избежать ласк отвратительного старика.

– Вот-вот, именно так, – одобрил Дюбур и нанес несколько чувствительных шлепков по дивным задкам, открывшимся перед ним. – Ну посмотрим, смогу ли я быть достойным жителей Содомы!

Он пытается... Но его столь быстро разгоревшийся огонь гаснет в самом начале предприятия. Небо мстит за обиды, нанесенные Жюстине старым развратником, и недостаток сил обидчика спасает несчастную.

Однако эта неудача только раззадорила Дюбура. Дойдя до пределов озлобления, он обвинил в упадке своих сил Жюстину и решил восстановить их по-своему. Не было ничего, что не посоветовали бы ему предпринять его гнусный нрав, его злоба, его грубость, его развращенность, – все было тщетно. Его возмущала неловкость Жюстины: она ничего не хотела делать! Но и Дельмонс, несмотря на все свое искусство, потерпела неудачу с этим изношенным механизмом: она сжимала его изо всех сил, встряхивала, сосала, лизала – он оставался бесчувственным. Дюбур переходил со своими дамами от нежности к грубости, от рабской угодливости к тирании, от показной скромности до самых невероятных эксцессов – никак не удавалось придать его оружию вид, который мог бы позволить предпринять новую атаку.

И наконец Дюбур сдался. Правда, он заставил Жюстину поклясться, что завтра она снова навестит его. Чтобы быть в этом уверенным, он передал ее на попечение Дерош, не заплатив ни единого су. Дельмонс, однако, осталась у Дюбура, и тот, подкрепившись великолепным ужином, отомстил за свою недавнюю беспомощность. Это, правда, стоило нескольких взаимных упреков, мощных усилий с одной стороны и ловкой снисходительности – с другой, но все-таки жертва была принесена, и роскошный зад Дельмонс послужил алтарем, на котором были произведены те возлияния, которых не удостоилась маленькая попка Жюстины.

А Жюстина, вернувшись домой, заявила своей хозяйке, что, какую бы нужду она ни испытывала впредь, больше свидетельницей подобных сцен она не будет. Но упоенное собою торжествующее преступление смеется над проклятиями несчастья.

² Дело вовсе не в возрасте: таковы были вкусы юного Алкивиада и престарелого Сократа; целые народы предпочитали этот деликатный кусочек всем другим прелестям женского тела. В самом деле, нет ничего, что было бы столь же округло, столь же белокоже, столь соразмерно и, главное, обещало бы столь острое наслаждение. Именно поэтому утонченный развратник всегда выберет филейную часть. Жаль мне тех, кто ни разу не испробовал мальчика ни в качестве своего любовника, ни в качестве любовницы. Про таковых можно смело сказать, что они ничего еще не узнали в подлинной науке любви! (Примеч. авт.)

Глава II

Новые опасности, угрожающие Жюстине. Как рука Провидения вознаградила ее за верность своему долгу

Прежде чем продолжить повествование, нам представляется необходимым раскрыть нашим читателям некоторые обстоятельства. Даже наименее прозорливые из них, без сомнения, уже догадались, что кража у Жюстины была делом рук Де-рош. Но их, несомненно, удивит участие в этом предприятии Дюбура. Да, Дерош действовала по совету этого нечестивца.

– Она наша, если мы лишим ее всякой надежды, – сказал он сурово. – А мне надо, чтобы она стала нашей.

Ужиная с Дельмонс, Дюбур признался ей в этой проделке. Дельмонс, чей ум был весьма изощрен для таких вещей, сразу же загорелась. В результате они договорились, что Дельмонс устроит так, что те три месяца, во время которых ее муж будет пребывать в деревне, Жюстина станет жить у нее, а Дюбур с помощью Дельмонс попытается еще раз добиться полного успеха. А на случай очередной неудачи Дюбур задумал блестящую месть, с тем чтобы добродетель, как она того и заслуживает, снова оказалась униженной и оскорбленной. Что всегда и случается, добавил Дюбур, когда она пытается выйти с открытым забралом на бой против порока и преступлений. Так был составлен этот прелестный договор. Миллионер, как мы уже говорили, скрепил его, подписав своим семенем в глубине великолепного зада Дельмонс, и стороны немедленно приступили к его исполнению.

На следующее же утро Дельмонс не замедлила с визитом в дом Дерош.

– Вы меня очень заинтересовали вчера, дитя мое, – обратилась она к Жюстине, которую пригласили спуститься в салон хозяйки. – Я не представляла себе, что можно быть такой стойкой. Вы, ей-богу, просто ангел, спустившийся с небес для обращения грешных. В ваших глазах я до сих пор была распутницей, но, признаюсь вам, вы совершили в моей душе нечто такое, в чем я до сих пор не могу толком разобраться. Я готова разрыдаться на вашей груди, покаяться, стать добродетельной по вашему примеру. О Жюстина! Как ты нужна мне для моего исправления! согласишься ли ты разделить со мною мое убежище? Я постоянно буду видеть тебя и тот пример, который будет все время перед моими глазами. Боже, как он поможет мне!

– Увы, мадам, – отвечала Жюстина. – Это не моя слабая душа служит вам помощью. Если вы действительно ощутили в себе желание перемениться, значит, вы услышали голос Высшего Существа. И это вы, мадам, скорее будете для меня примером, если этот голос будет постоянно звучать в вашей душе и вы до конца будете следовать его указаниям. Благодарю вас за приют, мне предлагаемый; если я смогу быть вам в чем-нибудь полезной, не поступаюсь моими принципами, – приказывайте, мадам. Я к вашим услугам, мадам... Поверьте, я приложу все свои слабые силы к тому, чтобы отблагодарить вас самым достойным образом.

Во все время этого разговора Дерош, предупрежденная о замысле подруги, напрягала все свое самообладание, чтобы не засмеяться. Она тут же от души поздравила Жюстину с выпавшим на ее долю счастьем, помогла собрать небогатый скарб девушки, и новая пара отъехала к новому месту пребывания нашей героини.

Особняк госпожи Дельмонс был великолепен: лакеи, горничные, огромное количество прочих слуг, лошади, прекрасная меблировка – все это сказало Жюстине, что она переехала к одной из самых роскошных женщин Парижа.

– Мне пока неудобно, – начала Дельмонс, как только они прибыли, – предложить вам первые роли в моем доме: старые слуги могут обидеться. Но вы обязательно и очень скоро,

мой ангел, займете хорошее место, а пока даже на месте младшего офицера вы, будьте уверены, станете самой уважаемой в моей роте.

– О мадам, – отвечала Жюстина, – я так счастлива найти приют в вашем доме и буду делать все, что вы прикажете.

– Вы будете надзирать за моей туалетной. На вас будет лежать забота о соблюдении чистоты в этой комнате, и, если вы отличитесь, через год я сделаю вас своей третьей горничной.

– Мадам, – сказала весьма сконфуженная Жюстина, – я не предполагала...

– О да! Я вижу. Гордыня – это не та добродетель, которую я ожидала в вас встретить...

– Ах, вы правы, мадам: смирение – это первейшее качество души. Во всяком случае, в моем понимании. Прикажите, чтобы мне разъяснили мои обязанности, и не сомневайтесь, что я буду их исполнять неукоснительно.

– А я вам сейчас все объясню сама, голубушка, – И с этими словами госпожа Дельмонс увлекла Жюстину в глубину своего будуара. Там, за стеклянной нишей, располагались две небольшие комнаты.

– Вот то, что поручено вашим заботам, – продолжала она, открывая двери первой из них. – Здесь только ванна и биде, наполнять и опорожнять их – несложно. А вот – другая. – И Дельмонс открыла вторую дверь. – Здесь подробности менее почтенные. Вы видите, что под этим стулом помещается судно; здесь есть и место, оборудованное по-английски, но я предпочитаю это седалище. Ну и вот еще сосуды для более мелких нужд... Ты угадала, они тоже подчиняются тебе. Есть еще одна вещь весьма деликатная, должна тебя предупредить; я понимаю, как это трудно, но я никак не могу обходиться иначе.

– О чем идет речь, мадам?

– Дело в том, что всегда, когда я... Нет, остальное, дитя мое, я скажу тебе на ушко: благопристойные люди всегда краснеют, когда говорят о таких предметах. Надо будет ватой, которую ты возьмешь из этого ящичка, подтирать... ну убирать, очищать те следы, которые остаются после некоторых необходимых отправок.

– О, как! Я сама, мадам?

– Да, ты, собственноручно. Твоя предшественница выполняла это необычайно ловко, но я так уважаю тебя, ты так невинна, что будешь делать это только рукой.

– А как же это делала моя предшественница?

– Своим языком...

– Ох, мадам...

– Милочка, я понимаю, что это уж слишком для тебя. Вот куда заводит нас роскошь, изнеженность, забвение всех своих общественных обязанностей! Мы привыкаем смотреть на все, что нас окружает, как на вещи, предназначенные для всяческого нашего услаждения. Тысячи ливров ренты приводят нас к самым последним ступеням распущенности, но теперь я исправлюсь... Я обращаюсь в истинную веру! И твой высочайший пример укрепляет меня в этом решении... Вы будете кормиться вместе с моими женщинами, будете получать сто экю в год, устраивает вас это?

– Мадам, – ответила Жюстина, – несчастье никогда не торгуется, оно соглашается на все, что ему предлагают. Но признательность зависит и от рода службы, которая предложена, и от той манеры, с которой эту службу предлагают.

– О, всем этим вы будете довольны, Жюстина, клянусь вам, – успокоила Дельмонс. – Есть у меня, однако, привычки, от которых, умоляю вас, не заставляйте меня отказываться... Ах, я же забыла показать вам вашу комнату. Она сразу же за этими двумя кабинетиками, но прочно от них отделена... Взгляните... Настоящая крепость... А какая кровать... вот мой звонок, если вы понадобится. Ну вот, моя радость, я оставляю вас в ваших владениях и удаляюсь, поздравляя себя с тем, что могу хоть чем-то быть для вас полезной.

Оставшись одна, Жюстина не могла удержаться от слез. Она ясно увидела унижительность своего положения. «Как, – произнесла она про себя, – эта женщина, позвавшая меня к себе как будто бы из уважения к моим достоинствам, могла предложить мне столь унижительное занятие, даже не заметив, как это оскорбительно для меня. Еще бы! Она ведь настолько выше меня! О Мать-Природа, почему равенство не царствует среди людей?!»

Жюстину позвали к столу. Она познакомилась со своими тремя компаньонками. Все три были сущими ангелами небесными. Вечером она приступила к своим почетным обязанностям: сначала туалет, затем биде. Жюстина брала губку, смачивала, мыла, вытирала, и все это в полном молчании: казалось, что достоинство графини Дельмонс будет скомпрометировано беседой со служанкой. Впрочем, возможно, что госпожа молчала, чтобы не выдать тайных намерений относительно своей скромной рабыни.

Однако наблюдательной и сообразительной сиротке не потребовалось долгого времени, чтобы убедиться, что примеры добродетели еще не оказали никакого благотворного влияния на ее достойную хозяйку. Пользуясь отсутствием супруга, она предавалась развлечениям без всякой предосторожности. Оргии, происходившие в роскошном будуаре по соседству с комнатками, вверенными попечению Жюстины, доказали ей, сколь неискренним было обращение мадам Дельмонс в новую веру. Однажды трое молодых людей ворвались в эти кабинетики чистоты и приступили к Жюстине с недвусмысленными намерениями. Бедняжка подняла крик, но никто не пришел к ней на помощь... В конце концов она решила, что придется отказаться от гостеприимства госпожи Дельмонс, но не сразу, а спустя несколько дней.

И вот как-то Жюстине послышался за стеной, в будуаре, голос Дюбура. Она прислушалась: несомненно, это был он. Однако предпринятые заговорщиками предосторожности были столь надежны, что Жюстине так и не раскрылись тайные намерения ее хозяйки и престарелого сластолюбца. Завеса осталась опущенной.

Около двух месяцев прожила Жюстина таким образом, столь же спокойно, сколь и монотонно в этом доме, пока огонь, пожиривший госпожу Дельмонс, не вырвался наружу. Однажды вечером Дельмонс, разгоряченная вином и скабрёзными шутками, вошла в уборную. Тон ее был не столь серьезен, как обычно.

– Жюстина, – сказала она, – место моей третьей горничной скоро освободится. Моя Сюзанна влюбилась в одного из наших лакеев, я решила их поженить. Но, дитя мое, на этом месте мне потребуются от тебя услуги, может быть, несколько противоречащие твоему воспитанию...

– О чем вы говорите, мадам?..

– Нам надо будет спать вместе, надо будет, чтобы ты меня ласкала...

– Как, мадам, это и есть ваша новая добродетель?

– Так ты еще не отказалась от этих химер, дурочка!

– Химеры, мадам? Добродетель – это химеры?

– Разумеется, мой ангел, и притом самые чудовищные и смешные. Добродетель, религия – это рамки приличия для простаков, над которыми смеются философы и играючи переступают их. Веление нашей природы, зов природы – вот единственные законы, которые должны править нами, и если они противоречат добродетели, тем хуже для нее! Я думала, что смогу победить ту страстную любовь, которую ты внушила мне, я думала, что твое присутствие успокоит меня, погасит огонь, который зажгли в моем сердце твои глаза. Если я унизила тебя теми обязанностями, которые на тебя взвалила, то лишь потому, что мне было необычайно приятно, мне было радостно показываться тебе обнаженной. Но твоя бесчувственность возмутила меня, я больше не могу заглушить в себе голос страсти, его необходимо услышать и откликнуться на него. И я хочу добиться этого любой ценой. Идем со мною, счастье мое!

И, преодолевая сопротивление Жюстины, Дельмонс втощила ее в свой будуар. Ничем не пренебрегла соблазнительница, чтобы сломить упорство своей жертвы: подарки, щедрые посулы, невероятная лесть – все было пущено в ход, и все напрасно. Дельмонс поняла, что предрассудки добродетели даже в столь юной девице могут выдержать все соблазны порока. И тогда оболъстительница уступила место мегере. Похоть, как это часто бывает, обернулась жестокостью.

– А, негодница, – закричала Дельмонс, – так я силой добьюсь от тебя того, что ты не хочешь дать добром!

Она дернула звонок, и тотчас в спальне появились две ее горничные: они были заранее предупреждены. Покорные рабы фантазий своей госпожи, они уже давно привыкли безропотно служить ей. Обнаженные, с распущенными волосами, все три женщины походили на вакханок. Схватив Жюстину, они быстро раздели ее донага, и в то время, как обе служанки осыпали нечистыми ласками свою хозяйку, та, пав на колени перед алтарем наслаждений, забыв о всяком стыде, делала все, чтобы стыдливость бежала перед лицом разъяренного распутства. О ужас! О бесстыдство! Она вылизывала Жюстину, запустив одновременно свой палец в задний проход девочки. Одной из служанок было приказано щекотать нежный клитор, другая ласкала розы, едва расцветшие на груди юного создания. Но природа еще ничего не говорила наивному сердцу нашей прелестной сиротки. Бесчувственная ко всем изощренным уловкам мастериц сладострастия, она отвечала на их усилия только стенаниями и слезами. Тогда позиции изменились: бесстыдница Дельмонс села верхом на Жюстину, прижав к невинным устам свои нижние губы, одна из горничных обрабатывала пальцами свою хозяйку и спереди и сзади, а другая продолжала осквернять Жюстину. Прелестное ее личико было залито сразу двумя потоками – собственными слезами и тем, что вылилось из недр Дельмонс, которая излилась так, что ей мог позавидовать любой мужчина. Но ничто не могло возбудить Жюстину, все только отталкивало и вселяло ужас. Взбешенная Дельмонс схватила Жюстину за волосы, бросила ее в комнату и заперла там – несколько дней предстояло провести Жюстине на хлебе и воде.

Однако, помышляя до сих пор только об удовлетворении своей страсти, госпожа Дельмонс почти совсем упустила из виду то, о чем было условлено с Дюбуром, а тот, казалось, всецело занятый новыми беспутствами, тоже забыл об их договоренности.

Надежда на отмщение заставила Дельмонс вспомнить о своих обещаниях – ведь у несчастной Жюстины есть еще один враг, над ней довлеет еще одна угроза.

Последующий рассказ позволит нам показать, что было задумано этими двумя злодеями.

Через неделю Дельмонс вернула Жюстине свободу.

– Приступайте к своим обязанностям, – холодно бросила она ей. – И если вы будете хорошо себя вести, может быть, прощу вас.

– Мадам, – отвечала Жюстина, – мне бы очень хотелось, чтобы вы подыскали когонибудь на мое место: я вижу, что я совсем не то, что вам нужно. Я бы удовлетворилась и менее доходной службой, только бы она не претила моим взглядам.

– Мне надо об этом подумать... Подождите еще две недели, и если вы не перемените своего желания, я найду вам замену.

Жюстина приняла это предложение, и все, казалось, успокоилось.

Дней за пять до условленного срока Дельмонс попросила Жюстину зайти в ее будуар.

– Не пугайтесь, мадемуазель, – добавила она, видя замешательство Жюстины. – У меня нет никакого желания вторично любоваться вашими слезами. Я зову вас просто потому, что нуждаюсь в ваших услугах горничной. Именно я, а не кто-нибудь другой.

Каково же было удивление Жюстины, когда, войдя в будуар, она увидела Дюбура! Дюбур нагишом наслаждался ласками двух служанок Дельмонс. Что могла подумать

Жюстина, когда раздался звук запираемого замка, а лица, слова и жесты тех, с кем ей предстояло иметь дело, объяснили ей, что ее ждут новые несчастья.

Жюстина бросилась к ногам страшной женщины.

– О мадам! Какую еще ловушку вы приготовили мне? Может ли госпожа так злоупотреблять доверчивостью и беспомощностью своей служанки? О, какой ужас, великий Боже! Как же можно попить все законы, божеские и человеческие!

– Давайте-ка побыстрее! Сейчас мы обо всем договоримся, – быстро проговорил Дюбур, освобождаясь из объятий красавиц и прижимая свой мерзкий рот к свежайшим устам невинности. Жюстина с отвращением отпрянула.

– Да, да, – продолжал он. – Ты сейчас увидишь и не такие преступления, но на этот раз тебе ничто не поможет.

В то же мгновение две вакханки схватили Жюстину, и вот она уже обнажена и, кажется, приготовлена удовлетворить все грязные желания престарелого финансиста. Дюбур, будучи уверен, что на этот раз он воспользуется невинностью Жюстины, из двух возможностей – спереди или сзади – выбрал первую. Поэтому Жюстину разложили перед ним в соответствующей позе – на спине. Злодей приблизился, сама Дельмонс держала его меч в своих руках, готовясь вонзить его в приготовленную жертву. Но Дюбур, большой любитель деталей, захотел в качестве прелюдии исполнить кое-какие вещицы из набора тех прихотливых выдумок, в которых так нуждались его ужасающие чувства. Страстный обожатель зада, он хотел им полюбоваться вначале, тем более таким обворожительным, как зад Жюстины. Ему предоставили ее попку. Он похлопал по ней несколько раз, потом, когда жертву снова перевернули на спину, перешел к пощечинам. Затем он грубо потрепал лобок, ущипнул соски и, как в трех соснах заблудившись в трех красавицах, захотел и их подвергнуть таким же процедурам. Одна из служанок была особенно хороша: высокая, семнадцатилетняя, ангелоподобная девица, она произвела на старика невероятное впечатление. К несчастью, его во время всех этих прелюдий так усиленно возбуждали, что – увы! – история первого сеанса повторилась. Дюбур был готов уже кинуться на Жюстину хорошо смазанная дорога была открыта, но средства продвижения истощались по мере того, как испарялся ликер, хранившийся в погребах. Струя брызнула, и Дюбур уже не мог продолжать движение по предназначенному пути.

– Будь все проклято, черт побери! – закричал он, осыпая Жюстину пощечинами и тумаками, марая ее раскрытые перед ним прелести своим мутным соком. – Чертова девка, опять у меня ничего не вышло!

– Не отчаивайся, Дюбур. – Дельмонс принялась успокаивать старика. – Кто бы ни помог этой гадючке, Бог или дьявол, он не останется победителем. Она в конце концов уступит. Восстанови свои силы, у меня здесь есть кое-что.

И между тем она, натирая ему ядра снадобьем, целительная сила которого ей была хорошо известна, распорядилась подать пряный острый бульон, также хорошо ей знакомый. Кус-лугам медицины присоединились новые усилия все трех женщин: мошенницы не пренебрегли ничем. Похоть подсказывала им все новые уловки, ни одной фантазии они не забыли, ни одной страстью не побрезговали. Одновременно и жертвы, и жрицы этого нечестивого культа, они использовали все, что было в их распоряжении: и восхитительную наготу Жюстины, и ее слезы, и ее стенания. Все это являло собой чрезвычайно возбуждательную сцену, и Дюбур восстал из праха. Дюбур вновь приблизился к объекту своих вожелений. Так как при приступе он атаковал Жюстину спереди, то и сейчас ее повернули к нему надлежащей, как думали, стороной.

– Нет, нет, – закричал развратный старик, – подайте-ка мне зад! Эта чертова дыра спереди приносит мне несчастья. Я ее ненавижу, меня толкнул к ней лишь соблазн девствен-

ницы, но натуру не победишь. Подавайте мне теперь попку, подружки мои, только в попку я хочу ее испробовать.

Очаровательные округлости Жюстины были тотчас же предоставлены ему. Сластолюбец начал с таких поцелуев, что сразу стало понятно, какой именно части женского тела он отдает решительное предпочтение. Дельмонс же, в то время как ее приспешницы раздвигают ягодицы Жюстины, продолжает управлять орудием Дюбура искусной рукой. Первые же удары вырвали из уст Жюстины страдальческий вопль. Ее судорожные движения мешают дальнейшим шагам. Дюбур намерен повторить натиск. Насмерть перепуганная Жюстина находит в себе столько силы и ловкости, что ей удается вырваться из удерживающих ее рук и спрятаться под кроватью. Укрывшись там, как в осажденной крепости, наша героиня дает понять, что ни угрозами, ни посулами ее оттуда не выманить, что она скорее согласится умереть, чем капитулировать. Рассвирепевший Дюбур пытается достать ее тростью. Жюстина, извиваясь как угорь, ускользает от ударов.

– Ее надо прикончить, – заявляет Дюбур, – вышибем дно у кровати и задушим ее матрацами.

Сама Природа помешала исполнению этого ужасного замысла. Произнося эти слова, Дюбур продолжал теревить и встряхивать свой член, а свободная рука блуждала налево и направо по тем прелестям, что по-прежнему оставались в его владении. В конце концов он еле успел донести свой пыл до зада упомянутой нами семнадцатилетней красотки и погрузиться туда. Таким образом, бедная Жюстина теперь могла надеяться на передышку хотя бы до конца ночи. Все же она поостереглась покинуть убежище, пока не убедилась, что проклятого Дюбура больше нет в будуаре. Приготовившись вернуться в свою комнату, она вновь и вновь умоляла свою госпожу позволить ей оставить дом, где ее добродетели грозит ежеминутная опасность. Раздосадованная Дельмонс ответила на эти просьбы презрительным молчанием. Но в конце концов Жюстина, несколько успокоенная товарками по дому, вернулась к своим обязанностям, не думая совершенно о том, что ее вина в глазах двух негодяев столь велика, что на ее голову непременно обрушится ужасная месть.

Госпожа Дельмонс имела обыкновение, находясь в уборной, класть на шифоньер свои богатые, украшенные алмазами часы. Порою случалось, что она забывала их там, и Жюстина тотчас же исправно приносила их владелице. Через три дня после описанных нами событий часы госпожи Дельмонс исчезли бесследно. Допросили Жюстину. Ей не в чем было себя упрекнуть; она сказала, что, обнаруживая забытые часы, она всегда возвращала их хозяйке. Дельмонс не произнесла ни слова, но на завтра вечером прилежшая отдохнуть на свою кровать Жюстина услышала, как распахивается дверь в ее комнату. Небо праведное! Перед Жюстиной предстала госпожа Дельмонс, а за ней виднелись фигуры полицейского комиссара и нескольких стражников.

– Исполняйте свой долг, сударь, – произнесла Дельмонс. – Эта несчастная украла мои часы. Вы найдете их спрятанными или на ней, или в ее комнате.

– Я вас обокрала, мадам? – Жюстина в смятении вскочила с кровати. – Вам ли не знать мою честность?

И в это мгновение, бросив взгляд на людей, вошедших вслед за комиссаром в ее комнату, она с ужасом признает в одном из них переодетого Дюбура. Этому ненасытному сластолюбцу мало было мерзости уже содеянного: он пришел, чтобы насладиться успехом своего замысла, зрелищем полной гибели своей жертвы, прочесть выражение отчаяния и безысходности на ее лице. Изошренность отвратительна, но она весьма радует испорченные сердца.

«Я погибла», – подумала Жюстина при этом открытии. Она хочет говорить еще, но ее не слушают. Обыск был произведен, часы были обнаружены: Дюбур, сам положивший их туда, вполголоса посоветовал комиссару приподнять тюфяк Жюстины.

Столь явную улику опровергать было нечем. Жюстину схватили. Дюбур самолично связал ее. Порок терзает грубыми веревками руки чистоты и невинности. Скажем даже, что, производя эти действия, злодей имел наглость прижать эти руки к застёжке своих штанов, дабы они почувствовали, как возбуждающе подействовала на него эта дикая сцена.

Наконец, не слушая никаких жалоб, Жюстину бросают в фиакр. Дюбур и его камердинер, также переряженный в стражника, занимают места рядом с нею, чтобы везти ее в тюрьму, где скорее приличествовало бы находиться самим этим чудовищам. Дюбур, как только оказался в экипаже, задумал осуществить еще одно преступление. Камердинер крепко держал Жюстину. В одну минуту ей задрали юбку, оглядели, ощупали, обцеловали повсюду. Но Природа, к счастью, не дала распалившемуся развратнику успешно завершить свой замысел: снова возлияния оросили лишь преддверие алтаря, а донести сосуд до жертвенника не удалось. Экипаж прибывает к месту, останавливается. Жюстину выводят, и воплощенная невинность оказывается в тюрьме, доставленная туда как самая последняя воровка.

Процессы над бедняками, не имеющими ни состояния, ни покровителей, быстро совершаются в стране, где полагают, что честность несовместима с нищетой.

Все попытки оправдаться были напрасны. Вряд ли и самый искусный адвокат сумел бы защитить ее перед этим судом: у госпожи пропали часы, они были найдены в комнате служанки, стало быть, служанка их и украла. Жюстина перечислила все соблазны, все случаи покушений на ее честь, говорила о маскараде Дюбура, о его поведении по дороге в тюрьму – все напрасно! Все принималось за обычную изворотливость преступницы. Ей возразили, что господин Дюбур и госпожа Дельмонс – люди почтенные и на подобные поступки не способны.

Жюстину отправили в Консьержери, где ей предстояло провести оставшиеся дни, расплачиваясь за отказ участвовать в мерзостях. Спасти ее было суждено новому преступлению.

Провидению было угодно, чтобы, по крайней мере однажды, преступление послужило на пользу добродетели, уберегло ее от пропасти, уготованной ей коварством одних и равнодушным других.

Жюстина разразилась горькими сетованиями, жалобами на мошенников, погубивших ее. Но ее проклятия не обрушили гнева небесного на их головы, напротив, они благоденствовали. Дельмонс вскоре унаследовала от своего умершего на островах дядюшки ренту в пятьдесят тысяч ливров, а Дюбур, получив от правительства выгодную должность, увеличил свой ежегодный доход до четырех тысяч франков.

Стало быть, благополучие вполне может уживаться с преступлением; стало быть, в гнезде самых страшных пороков может поселиться то, что люди называют счастьем. Сколько примеров этой печальной истины нам еще предстоит узнать!..

Глава III

Событие, вырвавшее Жюстину из тюрьмы. В какое общество она попала. Новые угрозы ее целомудрию. Гнусности, которым она становится свидетельницей. Как и с кем она бежит из разбойничьей шайки

В тюрьме соседкой Жюстины оказалась некая женщина лет тридцати пяти, замечательная как своей красотой и умом, так и числом и разнообразием совершенных ею преступлений. Теперь она, так же как и Жюстина, ожидала приведения в исполнение смертного приговора. Одно обстоятельство только затрудняло судей: ей, запятнанной всеми мыслимыми преступлениями, нужно было подобрать достойную этих преступлений казнь, причем такую, какую закон разрешал применять к женщинам.

Жюстина внушила этой женщине живой интерес: преступление всегда заинтересовывается добродетелью, особенно если надеется сделать ее для себя полезной.

Однажды вечером, когда им обоим оставалось, надо полагать, не более двух дней до рокового часа, Дюбуа предупредила Жюстину, чтобы она не ложилась спать и постаралась, не привлекая особого внимания, занять место поближе к решетке.

– В восьмом часу, – объяснила Дюбуа, – в тюрьме вспыхнет пожар, это уж я подготовила. Конечно, в пламени погибнут люди, – эка важность. Нас не должны, Жюстина, волновать судьбы других, когда дело идет о нашем благополучии. Я не хочу знать эти смешные узы братства, которые выдуманы людским малодушием и суеверием. Будем сами по себе, дитя мое, будем одиночками, какими нас произвели на свет. Разве люди рождаются не в одиночку? Если для каких-то целей мы порой и сблизимся, то, как только отпадает в этом нужда, сейчас же расходимся. Каждый сам по себе – вот первый из законов природы, самый мудрый, самый нерушимый. С другими мы должны поступать сообразно нашим желаниям и возможностям: притворяться, если мы слабее, брать все силой, подобно зверям, если мы сильнее. И вот сегодня, среди смерти и огня, мы спасемся: четверо моих дружков, ты и я. Мы спасемся, Жюстина, клянусь тебе, и что нам до того, что случится с другими! Ты с нами.

Так, по необъяснимой прихоти Провидения, преступление стало покровителем невинности. В урочный час огонь вспыхнул, пожар мигом охватил все здание – не менее шести десятков людей погибли в пламени, но Жюстина, Дюбуа и ее сообщники уцелели. Той же ночью они добрались до хижины близкого приятеля всей шайки, промышлявшего браконьерством в лесу Бонди.

– Ну вот ты на свободе, Жюстина, – обратилась Дюбуа к нашей героине. – Теперь ты вольна выбрать себе такую жизнь, какую пожелаешь. Но если ты послушаешь моего совета, дитя мое, ты переменишь правила своего поведения, откажешься от поступков, которые, как видишь, ни к чему не привели. Откажешься от своей щепетильности. Щепетильности смешной и неуместной, потому что речь-то идет всего-навсего о сохранении целомудрия, а что уж говорить об этом, если, судя по твоим рассказам, Дюбур и Дельмонс давно уже его нарушили. Более того, скажу тебе, щепетильности опасной, которая чуть было не привела тебя на эшафот. Спасло-то тебя только преступление. Посмотри, к чему приводят людей добрые намерения и добродетельные поступки, ради чего жертвовать собой? Ты молода и красива, Жюстина, вручи мне на пару лет свою судьбу. Но только не думай, что к святилищу своего храма я поведу тебя по стезе целомудрия и скромности. Тот, кто хочет идти нашей дорогой, должен многому научиться и многое посметь. Убивать, красть, грабить, поджигать, отдаваться всем напропалую и уметь торговать своим телом – вот важнейшие добродетели нашего сообщества. Поразмысли над этим, дитя мое, и решайся скорее: оставаться в этой лачуге нам небезопасно, и еще до наступления дня мы должны уйти отсюда.

– О мадам, – ответила Жюстина, – я перед вами в долгу и никогда не забуду об этом: вы спасли мне жизнь. Ужасно лишь то, что это произошло ценой преступления. Поверьте, что, если б мне понадобилось пойти на него, я бы предпочла тысячу раз умереть. Я представляю себе, какие опасности ждут меня, но я не откажусь от тех правил, которые всегда живы в моем сердце. Но каковы бы ни были опасности добродетели, я предпочитаю их тем страшным благам, которые дарит порок. Принципы морали и религии живут во мне и, благодарение небу, никогда меня не покинут. Бог обрекает меня на тяготы в земной жизни лишь для того, чтобы вознаградить меня в лучшем мире. Надежда на это утешает меня в моих несчастьях, смягчает мои печали, укрепляет в бедствиях, и я легко встречаю те невзгоды, которые Провидению угодно послать мне. Эта тихая радость тотчас угаснет во мне, как только я оскверню себя преступлением, и вместе со страхом наказания в этой жизни меня будет мучить ожидание возмездия в жизни той, и никогда уже моя душа не будет знать покоя.

– Вот дьявольщина! – закричала, нахмуря брови, Дюбуа, – Что за дурацкие теории, ведущие прямоком в психушку! Оставь ты своего проклятого Бога, дитя мое! Все эти наказания, все эти награды в жизни загробной – все это сказки для дураков, а ты ведь у меня умница, девочка моя! Послушай, Жюстина, ведь преступления бедных людей оправданы жестокосердием богачей! Пусть-ка выделяют они из своих сокровищ что-то и на наши нужды, пусть человеколюбие воцарится в их сердцах, и мы тотчас же станем добродетельнее всех. Но пока наша забитость, наша покорность, наша, черт побери, добродетельность лишь удваивает тяжесть наших цепей. Ей-богу, дураками бы мы были, если б отказались от преступлений. Ведь только они и облегчают гнет, под которым нас держат богачи. Мы все равны между собой, Жюстина. Такими нас создала природа, и если суровая несправедливая судьба нарушила этот порядок, то мы исправляем эту несправедливость и возвращаем себе самое необходимое из того, что было у нас отнято. Ах, мне нравится их слушать, этих богатеньких, этих титулованных людей, чиновников, попов; я люблю их проповеди о морали. В самом деле, легко не стать вором, когда у тебя втрое больше, чем тебе требуется для житья. Как можно стать убийцей, когда тебя окружают со всех сторон восторженные похвалы льстецов, – на них, что ли, озлобится твое сердце? Ах, как не быть воздержанным и скромным, когда на столе перед тобой роскошные яства! Большая заслуга – не пожелать жены ближнего, когда твою чувственность в любую минуту могут утешить изобретения самой безумной похоти! Но мы, Жюстина, мы, которых это варварское Провидение, этот бесполезный смешной Бог, которому ты куришь фимиам как идолу, приговорили ползать на брюхе, как змей в траве, мы, те, на кого смотрят с презрением из-за нашей бедности, над кем тиранствуют оттого, что мы слабы, мы, по твоему мнению, должны свято блюсти их законы и отказаться от преступлений? Да ведь только преступление может помочь нам распахнуть запретные двери жизни, выстоять, существовать! Ты хочешь, чтобы мы оставались до конца дней своих покорны и унижены, тогда как этот класс будет пользоваться всеми дарами фортуны, обрекая нас на труд и страдания? Нет! Нет, Жюстина! Либо этот твой обожаемый Бог заслуживает лишь ненависти, либо все, что творится здесь, Ему неведомо, и тогда Его можно только презирать. Полно, дитя мое! Когда природа ставит нас в положение, в котором не прожить без злодеяний, и позволяет нам успешно их совершать, значит, и зло, и добро подчинены ее законам и она безразлична к ним обоим. Равенство – вот что создала для нас природа, и вина тех, кто его нарушил, больше, чем вина того, кто стремится его восстановить. И те и другие должны следовать законам природы и равно наслаждаться плодами своей деятельности.

Речь Дюбуа была куда стремительнее и горячее лекции Дельмонс, посвященной тому же предмету. Та, что совершила злодеяния из нужды, оказалась убедительней преступницы из склонности к распутству. Потрясенная Жюстина уже готова была пасть жертвой красноречия этой ловкой женщины. Но голос еще более могучий зазвучал в ее сердце, и она объ-

явила своей искусительнице, что решила не уступать ее уговорам, что зло всегда останется для нее злом, а смерть не так страшит ее, как соучастие в каком-либо преступлении.

– Ну что ж, – сказала Дюбуа, – поступай как знаешь. Ты выбрала жалкую участь. Но если когда-нибудь тебе придется оказаться на виселице, потому что твоя добродетель не позволит преступникам вновь спасти тебя, вспомни, по крайней мере, наш разговор.

Во все время этого диалога четверо соратников Дюбуа усердно пьянствовали с приютившим шайку браконьером. Так как вино обычно призывает злодеев к еще большим злодействам, они, услышав решительный отказ Жюстины, вознамерились, раз уж не удалось превратить ее в сообщницу, сделать ее своей жертвой.

Образ их мыслей, род их занятий (а были они попросту разбойниками с большой дороги), их нравы, их нынешнее физическое состояние (после трехмесячного тюремного воздержания похоть прямо-таки распирала их), полумрак их убежища, ночное время, ощущение безопасности, охватившее их, опьянение, невинность Жюстины, ее возраст, прелестные черты ее лица и фигуры – все это наэлектризовало и воспламенило их. Поднявшись из-за стола и немного посоветовавшись, они предъявили свои требования: Жюстина должна удовлетворить желания каждого из этой четверки, и немедленно. Не захочет добровольно – ее заставят силой. Если все произойдет по доброму согласию, каждый заплатит ей по одному экю и ее отпустят на все четыре стороны. В случае отказа она все равно достанется им, но тогда, во избежание огласки учиненного насилия, им придется ее заколоть и закопать под каким-нибудь деревом поблизости.

Нет смысла рассказывать, как было встречено Жюстиной это душераздирающее решение. Она упала перед Дюбуа на колени, умоляя еще раз оказаться ее спасительницей.

– Черт возьми! – воскликнула Дюбуа. – Мне и в самом деле тебя жалко. Ты дрожишь от испуга, когда тебя хотят осчастливить четверо таких бравых молодцов. Ну-ка взгляни. – И она по очереди стала представлять Жюстине всю четверку, – Вот первый, его зовут Бриз-Барб, двадцать восемь годков, ну а член у него, доченька, такой... Только бы им и любоваться, если б еще лучше не был у моего брата. Вот он! Кер-де-Фер – тридцать лет, а инструмент!.. Бьюсь об заклад, ты его и двумя руками не обхватишь. Третий – Сан-Картье. Посмотри, какие усищи! Двадцать шесть лет – Тут она понизила голос – Скажу тебе, что накануне нашего ареста он отделал меня двенадцать раз за один вечер. О! Четвертого ты наверняка примешь за ангела. Он слишком красив, чтобы заниматься нашим ремеслом. Мы прозвали его Руэ. Он и станет самым заядлым развратником. С его склонностями не миновать такой судьбы. А его дубинка!.. Нет, нет, Жюстина, ты это должна увидеть: такой прибор вообразить невозможно. Глянь, какой он длинный, толстый, твердый, а кончик как позолоченная шишка. Эх, я тебе признаюсь, когда он этой шишкой пронял меня до кишок, я почувствовала себя новой Мессалиной. Да ты знаешь ли, доченька моя, что в Париже найдется десяток тысяч женщин, которые отдадут половину своего золота или драгоценностей, только б оказаться на твоём месте. Послушай, – продолжала Дюбуа после некоторого размышления, – я достаточно управляю этими молодцами, чтобы добиться для тебя помилования, но только если ты меня не подведешь.

– Что ж делать, мадам! Приказывайте, распоряжайтесь мною, я согласна на все.

– Следовать нам: убивать, красть, подбрасывать отраву, резать, поджигать, грабить, разбойничать – словом, делать все как мы. При таких условиях я спасу тебя от остального.

Тут уж Жюстина не могла колебаться. Конечно, принятие таких условий грозило ей новыми опасностями, но они были не столь наглядны, как та, что грозила ей сейчас.

– Да, да, мадам, – вскричала она, – я пойду куда угодно, клянусь вам! Спасите меня от ярости этих людей, и я не покину вас до конца моей жизни.

– Ребята, – сказала Дюбуа, – эта девочка отныне в нашей шайке, я ее приняла. И прошу вас теперь: никакого насилия по отношению к ней, не отталкивайте ее от нас. Ее возраст и

внешность помогут заманить многих простаков в наши силки. Пусть она служит для нашего дела, а не для нашего развлечения.

Человеческие страсти достигают порой такой ступени, когда ничто не может их сдерживать: все старания заставить услышать голос разума тщетны, разнузданность заглушает его, и средства, направленные к тушению пожаров, лишь раздувают пламя.

Дружки Дюбуа оказались именно в таком, грозящем бедой, положении. Вся четверка, держа наготове свои орудия, ждала только, чтобы жребий определил, кому из них достанется первым сорвать плоды удовольствия. Они были пьяны, веселы, терзаемы похотью – какие разумные доводы могли подействовать на них?

– Нет, черт побери, – проговорил Бриз-Барб, – надо, чтобы паскудница пропустила нас всех через себя, только так она может спастись. Никто же не говорит, что для приема в воровскую шайку надо держать экзамен на добродетель. И девственность не нужна никому, чтобы выйти на большую дорогу.

– Тысяча, сто тысяч чертей, – воскликнул Сан-Картье, вплотную приблизившись к Жюстине и демонстрируя перед ней свои мужские достоинства, – клянусь Богом, на которого я, впрочем, плюю, мне невтерпеж отделать ее! Или задушить – пусть сама выбирает.

Содрогаясь от ужаса, внимало наше кроткое, трепещущее создание этим словам. Предназначенная в жертву, Жюстина простирала в мольбе руки к своим мучителям. И Бог, которого эти изверги оскорбляли своими грязными проклятиями, защитил ее.

– Одну минутку, – сказал Кер-де-Фер, на правах брата Дюбуа имевший честь возглавлять шайку. – Одну минутку, друзья мои, мне охота не меньше, чем вам. Вот посмотрите. – И он своим огромным молотом ударил по ореху, лежавшему на столе. Орех раскололся. – Не меньше вашего мне необходимо избавиться от накопившегося семени. Но я думаю, что все это можно устроить так, чтобы все остались довольны. Раз уж эта шлюшка так держится за целомудрие, а в целомудрии, как очень справедливо заметила моя сестра, есть нечто ценное, и оно может послужить нам на пользу, оставим этой девице ее девственность. Но надо ведь и нас успокоить. Ты видишь, сестрица, в каком мы состоянии, мы ведь вас обеих, чего доброго, придушим, если вы станете мешать нашим планам. Мы – люди необузданные, и поток наших страстей может затопить всю окрестность, если ему не найти правильного русла. Ты вспомни, Дюбуа, нам приходилось убивать сопротивлявшихся нам женщин, и это было нам не в диковинку. Ты видела, что преступление ничуть не мешало удовлетворению похоти, и наше семя, смешавшись с кровью, исправно лилось в створки раковины как ни в чем не бывало. Поэтому внимательно выслушайте, что я предлагаю.

Надо, чтобы Жюстина осталась в чем мать родила и в таком виде позволила бы нам по очереди позабавиться с нею, как нам придет в голову. А Дюбуа в то же самое время удовлетворит нашу страсть более основательно.

– В чем мать родила? – воскликнула Жюстина. – Предстать обнаженной перед мужчинами! О Боже праведный, чего вы требуете! Когда я окажусь в таком виде перед вами, кто защитит меня от всяких непристойностей?

– А кто тебя сейчас защитит, шлюха? – спросил Руэ, запуская руку под юбки Жюстины и норовя поцеловать ее.

– Да, дьявол тебя побери, кто тебя защитит? – подхватил Сан-Картье, ощупывая оборотную сторону той медали, по которой уже бегали пальцы Руэ. – Ты же видишь, что ты в полной нашей власти. Видишь – тебе остается только полная покорность. Покорись или умри!

– Полно, полно, оставьте ее, – проговорил Кер-де-Фер, отталкивая от Жюстины своих товарищей. – Дайте-ка ей спокойно приступить к тому, что от нее требуется.

Жюстина, почувствовав себя свободной, воспрянула духом.

– Нет, – сказала она, – вы можете делать со мной все, что захотите, вы сильнее меня. Но по доброй воле вы ничего не получите.

– Хорошо, тварь, – проговорил Кер-де-Фер и закатил Жюс-тине такую оплеуху, что она опрокинулась на кровать. – Мы тебя сами разденем.

И с этими словами он задрал ей юбки и, выхватив острый нож, полоснул по ним. Он действовал с таким ожесточением, словно вспарывал живот своей жертвы. Через минуту самая совершенная в мире нагота вторично была выставлена на обозрение самому чудовищному сластолюбию.

– Приготовимся же, – распорядился Кер-де-Фер, – Ты, сестрица, ложись навзничь на кровать, чтобы Бриз-Барб взял тебя спереди, а Жюстина пусть сядет на тебя верхом поближе к лицу Бриз-Барба и напоит его из своего источника – ему понравится, я его вкус знаю.

– Мать честная, – откликнулся Бриз-Барб, не спеша пристраиваясь на животе Дюбуа, – никогда мне не было так хорошо. Спасибо тебе за эту выдумку.

Он накачивает Дюбуа, Жюстина пускает струйку ему в рот, он извергается, и к делу приступает Сан-Картье.

– Пока я буду отделять твою сестрицу, – обращается он к атаману, – поддержи передо мной эту потаскушку.

Просьба уважена. Он шлепает ладонью по щекам Жюстины, потом по ее груди. Целует ее в губы, кусает их и так сильно мнет груди бедняжки, что она близка к обмороку. Ей больно, она молит о пощаде, слезы появляются на ее ресницах, и это еще больше возбуждает злодея. Он начинает все быстрее раскачиваться на теле Дюбуа и наконец, почувствовав, что наступила кульминация, с силой отталкивает от себя Жюстину.

Очередь Руэ. Он вставляет свой стержень в отверстие, но его останавливает Кер-де-Фер.

– Постой-ка, сынок Я хочу взять тебя в попку. А потаскушку эту мы поместим посреди, между нами, ты будешь щупать ее спереди, а я сзади.

Несчастливая Жюстина, терзаемая двумя разбойниками, уподобилась молоденькой иве под двумя грозами. Вот уже с одной стороны безжалостно исципан нежный мох, покрывающий Венерин холмик, а с другой – обе подушечки очаровательных ягодиц расцарапаны острыми когтями Кер-де-Фера.

Двое распутников, проворно поменяв места жертвоприношений, меняют содомию на кровосмешение и становятся: один – мужем своей сестры, а другой – любовником своего зятя. Жюстина, однако, ничего не выигрывает от этой мены. Возбуждаясь, Кер-де-Фер делается еще более жестоким. Он с силой бьет Жюс-тину по щекам «Посмотрим, кто ударит сильнее, – кричит он сообщнику, – хлопни-ка ее по заднице, братец!»

Два молота заколотили по наковальне. Жюстина была настолько истерзана, что у нее носом хлынула кровь.

– Вот этого мне и надо было, – зарычал Кер-де-Фер, жадно припав к льющим из ноздрей ручейкам. – Присоединяйся к нам, Бриз-Барб!

Он тут же получает еще одного участника, он в восторге, он опустошается наконец. Наступает тишина.

– Во всем этом, – говорит, поднимаясь, Дюбуа, – мне кажется, в самом большом выигрыше оказалась я.

– Ты всегда умеешь устраиваться, – ответил ее брат. – Ведь только для того, чтобы перепробовать всех, ты не допустила нас до этой девчонки. Ну ладно, потерпим, в ней-то от этого ничего не убавилось.

Пора было отправляться в дальнейший путь, и в ту же ночь шайка перебралась в Трамбле, рассчитывая оказаться вблизи лесов Шантийи, где они надеялись на несколько удачных дел.

Отчаяние Жюстины было ни с чем не сравнимым. Мы полагаем, что она уже достаточно знакома нашим читателям, чтобы они поняли, как мучила ее необходимость следовать за такими людьми, и что решимость сбежать от них при первой возможности все более укреплялась в ней.

Разбойники расположились на ночлег среди стогов сена близ Лувра. Наша сиротка хотела было пристроиться рядом с Дюбуа, но та вовсе не намеревалась в очередной раз служить защитницей девичьей чистоты. Она предпочла предаться увеселениям плоти с тремя своими сообщниками. Четвертый подошел к Жюстине. Это был Кер-де-Фер.

– Милое дитя, – начал он, – надеюсь, вы не откажете мне провести ночь подле вас. – И, заметив, какое отвращение отразилось на лице Жюстины, поспешил успокоить ее: – Не пугайтесь, мы просто поболтаем, а если что и случится, то только по вашей доброй воле. Ах, Жюстина, – продолжал этот мошенник, устраиваясь рядом и обнимая девочку, – не кажется ли вам несусветной глупостью надежда соблюсти свою чистоту, оставаясь с нами? Даже если мы согласимся с вами, совпадет ли это с нашими общими интересами? Бесполезно скрывать от вас, милое дитя, что, когда мы будем останавливаться в городах, мы рассчитываем, что ваши чары помогут нам заманивать в ловушку дураков.

– Что ж, сударь, – отвечала Жюстина, – так как вы знаете, что я предпочту смерть этим мерзостям, не могу понять, какую пользу могу я вам принести и почему вы не хотите оставить меня в покое?

– Разумеется, мой ангел, не хотим, – согласился Кер-де-Фер. – Вы должны служить или нашим интересам, или нашим наслаждениям. Ваша несчастливая судьба возложила на вас это бремя, и надо его нести. Но знайте, Жюстина, что в этом мире нет ничего непоправимого. Послушайте меня и определите свою судьбу сами. Согласитесь жить со мной, милая девочка, согласитесь принадлежать только мне, и я вас избавлю от печальной роли, вам уготованной.

– Мне, сударь, стать любовницей...

– Договаривайте, Жюстина, договаривайте! Вы хотели сказать «мерзавца», не так ли? Вы хорошо понимаете, что я не могу предложить вам другого звания. Вам известно, что мы не вступаем в законные браки. Мы – другие. У заклятых врагов всяческих цепей нет стремления связывать свою судьбу с кем бы то ни было, и чем благоуханнее для так называемых порядочных людей розы Гименея, тем они для нас отвратительнее. В необходимости потерять то, что вам так дорого, не лучше ли пожертвовать этим ради одного человека, чем стать, без собственного защитника и покровителя, добычей многих?

– Ну, во-первых, почему же я не могу выбрать другую участь?

– Да потому, что мы вас не отпустим, дитя мое, и это самый веский довод. В самом деле, – Кер-де-Фер почему-то стал говорить быстрее, чем прежде, – какая жуткая нелепость ценить столь высоко, как вы это делаете, такой пустяк! Неужели девушка может быть настолько наивной, что верит, что ее добродетель зависит от того, какого размера и глубины некая частичка ее тела? Что людям и Богу важно – нетронута эта частичка или разрушена? Скажу больше: по замыслу природы каждая особь в этом мире должна выполнять то, ради чего она была создана. Женщина же создана на радость мужчине, для его наслаждения. Это ее предназначение, так ее замыслила природа, и сопротивляться тому, что она замыслила для вас, – значит, оскорблять ее. Это значит оказаться существом бесполезным для этого мира и потому презренным. Ваше дурацкое благоразумие, бессмысленное ваше целомудрие отделяют вас от того, чтобы быть нужным природе и обществу, и, стало быть, оскорбляют и то и другое. В сущности, это смешное упрямство, заслуживающее порицания, и оно не к лицу такому умному созданию, как вы. Может быть, вы устали меня слушать, но все-таки послушайте еще, дитя мое. Хорошо, я согласен уважать вашу слабость. Я не прикоснусь, Жюстина, к тому фантому, существованием которого вы так дорожите. У красивых девушек есть в запасе не только этот дар, и служение Венере может совершаться не в единственном

храме. Есть и другие. Я удовлетворюсь самым тесным. Знайте, моя дорогая: близ лабиринта Киприды есть мрачная пещера, куда спрятались от нас страсти, чтобы сильнее манить нас к себе. Там будет алтарь, на котором я воскурю фимиам. Там ничто нам не помешает. Если вас пугает беременность, этот путь исключает ее. Ваш стан останется по-прежнему стройным. Плоды, которыми вы дорожите, не будут сорваны, и вы пребудете все в той же чистоте. При этом способе ничто не может изоблечь девицу. Каким бы яростным и многочисленным атакам она ни подвергалась... Едва пчела, насытившись соком, улетает, чашечка розы закрывается, и никто не может сомневаться в том, что она никогда и не открывалась. Есть множество девиц, которые наслаждались таким манером лет по десять и с разными мужчинами и выходили замуж во всем блеске своей невинности. А сколько отцов, сколько братьев злоупотребляли таким образом родственными чувствами своих дочерей и сестер! Однако и им не пришлось краснеть, выходя замуж, за то, что они не уберегли свою перегородку. А сколько священников на исповеди пользуются такой же дорогой! Словом, это прибежище тайны, в этом месте страсти укрощены оковами благоразумия, что еще добавить к этому, Жюстина? Если этот храм потаенный, то он и самый восхитительный. Наслаждение, получаемое там, – чистое, беспримесное, не похожее в этом смысле на место, расположенное по соседству, куда проникаешь с усилиями, где боль неминуемо предшествует первой радости. Те, кто выбрал эту дорогу, никогда не сожалеют о том, что пренебрегли другой. Попробуем же! Решайтесь, Жюстина, дайте мне ваш дивный маленький зад, и мы оба будем счастливы!

Поползновения распутника были тем более опасны, что незаурядный ум и логика соединялись в нем с грубой физической силой и полнейшей разнузданностью. Но Жюстина пока была еще в силах воспротивиться соблазнителью.

– Сударь, – отвечала она, – я никогда не занималась теми ужасными вещами, к которым вы склоняете меня, но осмелюсь сказать, что столь восхваляемое вами деяние оскорбляет не только женщину, но и саму природу. Гнев небесный настигает таких грешников еще в этом мире: вспомните Содом, Гоморру и другие города. Господь испепелил их своим огнем – вот грозный пример того отвращения, какое вызывает в Предвечном эти поступки. И земное правосудие подражает небесному и посылает на костер предающихся этому пороку.

– Что за наивность! Что за ребячество, – воскликнул в ответ Кер-де-Фер. – Кто вбил вам в голову, милая моя, такие предрассудки? Еще немного терпения, и я помогу освободиться вашему разуму.

Растрата семени, предназначенного для умножения рода людского, дитя мое, – вот единственное преступление, которое может твориться в этом случае. И если это семя находится в нас единственно с целью размножения, то я с вами соглашусь и немедленно объявлю этот акт преступным. Но если можно доказать, что, создавая в нашем теле запасы семени, природа вовсе не имела в виду, что все они будут использованы для размножения, тогда, если принять эту гипотезу, какая разница, Жюстина, куда выбрасываем мы семя – в матку ли, в зад, в рот или в ладони? Значит, такое расточительство – вина природы, она так задумала, а мы лишь следуем ее велениям. И сколько таких случаев, показывающих, что они никак не оскорбляют природу, раз она их допускает.

Эта непоследовательность нарушает монотонность ее движения, разрушает ее планы, обнаруживает ее слабое место и извиняет наши прегрешения. Да к тому же природа сама по тысяче раз на дню производит такие же бесплодные растраты: вспомним ночные поллюции, сношения с женщиной беременной или во время месячных. Разве это не доказывает снова и снова, что природа не противится бессмысленной гибели плодоносного семени? Она позволяет нам тратить этот драгоценный нектар с тем же равнодушием, с каким она его производит. Она терпимо относится к умножению нашего рода, но ей далеко до того, чтобы стремиться только к этому и во что бы то ни стало увеличивать число людей. Наш выбор ей безразличен. Мы, зарождая новую жизнь или же губя ее, не радуем и не печалим природу.

Мы, стало быть, вольны в своем выборе. Поверь же, милая Жюстина, природе не до таких мелочей, которые мы возводим в культ. Она стремительно шествует своим путем, доказывая ежедневно и ежечасно тем, кто ее изучает, что она создает лишь для того, чтобы уничтожать созданное. Разрушение – вот важнейший ее закон, без этой перспективы ничто не рождается на свете. Не убеждаетесь ли вы теперь, дитя мое, что, каким бы ни было святилище, природа позволяет воскурить на нем фимиам и этот знак почитания никак не может ее оскорбить? Ты станешь теперь толковать мне о Боге, будто бы наказавшем однажды за сладостные, преступные утехы жителей жалких местечек в Аравии, о которых ничего не может сказать ни один географ. Здесь надо начать, правда, с признания существования Бога, чего признать я никак не могу. Затем допустить, что этот Бог, которого ты, милочка, мнишь Творцом и Властелином вселенной, мог унизиться до того, чтобы проверять, в какое отверстие, переднее или заднее, вводят мужчины свои детородные органы. Какая мелочность! Какая несообразность! Нет, дорогая Жюстина, Бога – нет!.. Идея Бога зародилась среди невежества, тревог и несчастий; именно там возникли у смертных мрачные, тошнотворные представления о Божестве. Прозекзаменуем все религии мира, и мы увидим, что представление об этой могущественной воображаемой силе всегда связано со страхом наказания. Мы трепещем и сейчас потому, что много веков испуганно дрожали наши предки. И если мы докопаемся до первопричины тех постоянных опасений, унылых мыслей, которые просыпаются в нашем мозгу при упоминании имени Бога, мы найдем ее в тех катаклизмах, потопах, революциях, которые уничтожали какую-то часть человечества и потрясали сознание тех, кто ухитрился избежать гибели. В мастерской страха создает человек тот смешной фантом, который зовется Богом. А нуждаемся ли мы вообще в том двигателе, если пытливые исследования природы говорят нам, что движение – один из первейших ее законов?

Теперь мне хочется возразить еще на одно ваше суждение. Вы полагаете, что рука этого смешного фантома разрушила арабские поселения, о которых вы говорили. Но дело в том, что, расположенные на склонах вулкана, они были поглощены его извержением, как это произошло впоследствии с городами, расположенными в окрестностях Везувия и Этны. Это естественно-природное явление вовсе не зависит от нравов того или иного города. Поэтому совсем нелепо утверждать, что человеческое правосудие просто подражает, по вашим словам, правосудию небесному: тут должен говорить не юрист, а физик.

Разгоряченный своими мудрыми максимами, Кер-де-Фер решил, что пора воспользоваться выгодами положения, и стал осторожно приподнимать юбки нашей героини, а она, частью из страха, частью обольщенная этим красноречием, не решалась поначалу оказывать сопротивление. Понимая, что надо ковать железо, пока горячо, и что ему, быть может, недолго оставаться хозяином положения, лукавый мошенник, обхватив левой рукой зад Жюстины, старался приблизить его, чтобы удобней было метнуть свой раскаленный дротик, который держал наготове в правой. Жюстина же почти уступила, соблазненная возможностью спасти то, что представлялось ей самым значительным, и совсем не помышляла об опасностях, которыми грозили ее самому узкому месту поползновения такого здорового детины.

– Ага, – крикнул Кер-де-Фер, – я ее сцапал! – И мощным толчком он попытался загнать свой ужасающий инструмент в нежное крохотное отверстие, от которого он ждал стольких радостей.

Испустив отчаянный крик, Жюстина вскочила на ноги и кинулась к Дюбуа. Та спала, изнуренная обильными жертвами, принесенными на ее алтарь неутомимой троицей жрецов.

– В чем дело? – проворчала, пробуждаясь, закаленная в битвах шлюха.

– Ах, мадам, – пробормотала взволнованная, трясущаяся Жюстина, – Ваш брат... Он хочет...

– Ну да, я хочу женщину, – подхватил Кер-де-Фер, устремляясь за беглянкой и грубо оттаскивая ее от Дюбуа, – И я отделаю эту малышку через зад, чего бы это мне ни стоило!

Неизбежное надругательство ожидало Жюстину, если бы в этот момент с дороги не донесся шум движущегося экипажа. Кер-де-Фер, забыв ради профессионального долга об утехах плоти, разбудил тут же своих сообщников, и вся шайка полетела навстречу новому преступлению.

– Вот славно! – воскликнула Дюбуа, прислушиваясь с самым внимательным видом. – Слышишь крики, выстрелы? Ничего нет приятней для меня этих знаков победы. Они говорят, что все кончилось успехом наших и можно больше не тревожиться за них.

– Но, мадам, – возразила Жюстина, – ведь гибнут люди...

– Эка важность! Так уж повелось на земле. Разве на войне не погибают?

– Но там погибают за...

– Там погибают по куда менее важным причинам. Тираны обрушивают войны на головы народов ради своего тщеславия и властолюбия. Мы же нападаем на проезжих лишь из прямой нужды: нам надо на что-то жить. Закон жизни оправдывает нас.

– Но можно же зарабатывать, мадам... Научиться ремеслу...

– Ах, дитя мое! Это – наше, это то, чем занимаемся с детства, мы этому учимся, воспитываемся в законах этой профессии, а она, профессия эта, была известна самым первым народам на земле. Воровство было в почете по всей Греции. И сейчас среди многих народов его одобряют, уважают, признают как дело, требующее не только смелости, но великого умения, огромной ловкости. Словом, для любого народа, преисполненного энергии и предприимчивого, воровство – добродетель.

Дюбуа готова была еще долго купаться в красноречии, но продолжать ей помешало возвращение шайки с добычей. Они вели с собой пленника.

– Вот как я вознагражу себя за жестокость Жюстины, – проговорил Кер-де-Фер, вытаскивая из тени на лунный свет красивого, как Амур, мальчика лет четырнадцати. – Я убил отца и мать, изнасиловал дочь, которой было не больше десяти лет, и будет вполне справедливо, если я воспользуюсь задом ее братца.

И с этими словами он потащил свою жертву за стог сена, служивший в эту ночь пристанищем для шайки. Послышались глухие, страдальческие возгласы, заглушённые вскоре сладострастными стонами и рычанием насильника. Затем раздался мучительный, душераздирающий крик, показавший всем, что осмотрительный злодей, не желая оставить в живых свидетеля своих преступлений, соединил сладострастие со совокуплением со сладострастием убийства. Через минуту он вернулся весь в крови.

– Ну вот, – сказал он, тяжело дыша, – Успокойся, Жюсти-на, теперь я насытился, и тебе нечего опасаться в ближайшее время. Пока зверь задремал во мне. Пора убираться отсюда, друзья мои, – повернулся он к своей шайке. – На нашем счету шестеро. Трупы их валяются на дороге, и мы недолго останемся здесь в безопасности.

Стали делить добычу. Долю Жюстины Кер-де-Фер определил в двадцать луидоров и заставил ее принять деньги, несмотря на все ее отвращение к такому дару. Затем все поспешно собрались и двинулись в дорогу.

Назавтра, полагая себя в лесах Шантийи в полной безопасности, принялись подсчитывать барыш. На крут вышло двести луидоров.

– Стоило убивать шестерых человек из-за такой ничтожной суммы, – проворчал один из разбойников.

– Успокойтесь, друзья мои, – поспешила начать свою речь Дюбуа. – Я имела в виду совсем не большую или меньшую сумму, когда, провожая вас на дело, наказывала не щадить никого из предназначенных вам в жертву путников. Дело шло только о нашей безопасности. В этих преступлениях виноват закон, а не мы с вами: воров казнят, и они вынуждены уби-

вать тех, кто может их изобличить. Да и откуда, впрочем, вы взяли, – продолжала опытная злодейка, – что двести луидоров не стоят шести мертвецов? Смерть существ, предназначенных в жертву, от нас ничуть не зависит. Мы должны, следовательно, без всяких угрызений совести выбрать тот жребий, который сулит нам хоть самую ничтожную выгоду. Ибо даже ту вещь, что абсолютно для нас безразлична, мы, если мы разумны и вещь эта нам вполне понятна и ясна, бесспорно, должны заставить повернуться к нам наиболее благоприятной для нас стороной, не считаясь с тем, какой урон это может нанести другим. При этом мы должны помнить, что моральные выгоды довольно туманны и зыбки, а материальные – дело вполне реальное. Таким образом, не только двести луидоров абсолютно оправдывают убийство шести человек, но для этого было бы достаточно и тридцати су. Эти тридцать су мы можем вполне ощутить, а от шести мертвецов нам ни холодно ни жарко: нам все равно – остались ли эти люди жить или принесены в жертву. Больше того, мы, по врожденному людскому злодейству, всегда чуть-чуть радуемся бедам и несчастьям других.

Слабость физической природы, недостаток умственных способностей, проклятые предрассудки, в которых нас воспитали, бессмысленная боязнь религии и законов – вот что отвращает глупцов от дороги преступления, вот что мешает им наплевать на мораль. Но всякий энергичный, полный сил человек, наделенный душой деятеля, который, как это и должно, предпочитает себя другим, умеет находить равновесие между их интересами и своими, умеет не бояться смерти и презирать рамки закона. Такой человек понимает, что огромное множество несчастий других, которые он никак не может ощутить физически, не идет ни в какое сравнение с тем, пусть самым маленьким, наслаждением, которое выпадает ему. Наслаждение его радует – оно в нем, а преступление его не задевает – оно вне его. Итак, я спрашиваю, какой же человек не предпочтет то, что его радует, тому, что ему чуждо, совершенно не трогает, ради того, чтобы доставить себе удовольствие?

– О мадам, – Жюстина решилась, испросив разрешения, прервать Дюбуа, – не кажется ли вам, что ваш приговор написан для человека достаточно могущественного. Но как быть нам, постоянно гонимым всеми порядочными людьми, клейменными всеми законами? Должны ли мы принять такую систему, которая может лишь заточить меч, висящий над нашими головами? Не окажемся ли мы в печальном положении, выброшенными из общества? Можете ли вы предположить, мадам, что такие принципы нам более всего подходят? Как, по-вашему, может не погибнуть тот, кто из отчаянного, слепого эгоизма противопоставит себя совокупным интересам других? Потерпит ли общество в своей среде того, кто в одиночку решил выступить против всех? Может ли он надеяться обрести счастье и спокойствие, если, не признавая общественный договор, он не согласен поступиться долей своего благополучия, чтобы быть уверенным в остальном? Общество зиждется лишь на постоянном обмене благодеяниями: вот основа его существования, вот нити, связывающие его воедино. Тот же, кто вместо благодеяний предлагает ему лишь преступление, неминуемо вступит, если он более сильный, в жесточайшую борьбу, и так же неминуемо, если он слаб, окажется жертвой первого встречного. Вот положения, из которых следует недолговечность преступных сообществ. Да взять хотя бы нас, мадам, – продолжала Жюстина развивать свой тезис. – Как вы надеетесь поддерживать среди нас согласие, если советуете каждому заботиться лишь о собственных интересах? Можете ли вы, хотя бы сейчас, например, найти веский довод против намерения кого-нибудь из нас заколоть других, чтобы общая добыча досталась ему одному? Вот хвалебный гимн благородству и добродетели, показывающий, что без них не обойтись даже сообществу преступников, что и их связывают такие же узы.

– Какая жуткая софистика, – сказал Кер-де-Фер, – Вовсе не благородство скрепляет преступное сообщество, а та же корысть, тот же личный интерес. Фальшиво звучит, Жюстина, этот ваш хвалебный гимн благородству. Вовсе не из благородства я, будучи самым сильным в нашей компании, не перережу своих товарищей, чтобы поживиться за их счет, а

лишь потому, что, оставшись один, я не смогу быть уверенным, что добуду то, что добываю с их помощью. И то же самое соображение удерживает их от того, чтобы покончить со мною. Говоря иначе, они не покидают меня из того же, как видите, эгоизма!..

Того, говорите вы, кто намерен в одиночку бороться против общества, ждет гибель. Но еще более уверенно я могу сказать, что погибнет и тот, который ради поддержания своей жалкой жизни согласится на нищету и униженность. То, что называют общественным интересом, есть по сути множество объединенных интересов, где частный интерес должен неизбежно в чем-то уступить, от чего-то отказаться ради согласия с интересом общим. От чего же предлагаете вы отказаться тому, у кого почти ничего нет? Вы сами признаете, что он в таком случае приобретает больше, чем может отдать. Неравноценность сделки сразу же убивает надежды на соглашение: общество не соглашается брать у него такую малость, дабы ничего ему не возвращать. Что же остается такому человеку?

Только признать такое общество несправедливым и бороться с ним. Но это, утверждаете вы, приведет к никогда не прекращающейся войне. Пусть так. Но разве не для этого мы рождены на свет? Не в этом ли наше предназначение? Люди по природе своей одиноки, завистливы, жестоки и деспотичны. Они стремятся все иметь, не желая ничего уступать, и жестоко сражаются за свои права и ради своих амбиций. И тут появляется законодатель и вещает: «Прекратите терзать друг друга, прекратите раздоры, уступите частицу принадлежащего вам другому, и мир, согласие воцарятся между вами». Я не собираюсь хулить эти предложения, но утверждаю, что есть две породы людей, которые не способны с ними примириться. Это, во-первых, люди могущественные и сильные – им нет нужды уступать что-либо, они и так счастливы и довольны. Во-вторых, самые слабые, которые видят, что с них требуют больше, чем они в состоянии дать. Но общество-то и состоит из людей более сильных и более слабых, и никто из них, пусть и по разным причинам, не может соблюдать общественный договор. Они предпочитают состояние всеобщей постоянной войны, где их сила и ловкость помогут им урвать побольше. А нам остается выбор между преступлением, которое может освободить нас от нищеты, и эшафотом, который избавит нас от тягот жизни. Вот я и спрашиваю: можно ли здесь сомневаться в выборе? Пусть-ка ваш ум подыщет доводы, опровергающие мои рассуждения.

– Да их тысячи, сударь, тысячи, – с живостью возразила Жюстина. – Разве эта жизнь – единственная цель человека? Не есть ли она лишь некий переход, ступени которого приводят, если поведение человека соответствует этому, к вечному счастью, бесценной награде за добродетель? На этот раз, как бы это ни показалось удивительным, я попробую согласиться с вами, допущу на минуту, что преступление может сделать счастливым человека, его совершившего. Но Божье правосудие – а Бог существует, как бы вы ни злословили на этот счет, – покарает злодея на том свете! Ах, пожалуйста, не возражайте мне, сударь, не отнимайте у несчастной последнюю надежду. Когда люди отворачиваются от нас, кто, кроме Бога, может отомстить за нас?

– Никто, Жюстина, решительно никто. Да и вовсе нет необходимости, чтобы несчастная, как вы говорите, была отомщена. Она надеется на это, потому что жаждет всей душой.

Она утешает себя, потому что ей так хочется. Это спасительная мысль, но она не становится от этого менее ложной. Более того, по сути, страдания несчастной обусловлены законами природы. Все ее унижения и ее скорби учтены общим замыслом. Истина эта должна заглушить угрызения совести в душах злоумышленников – таким единственным способом мать-природа делает нас проводниками своей воли. Когда ее тайные внушения толкают нас на совершения злодеяний – значит, злодеяния необходимы: она их хочет, она в них нуждается. В сумме злодеяний, следовательно, чего-то недостает. Но, поскольку вы, Жюстина, еще не однажды вернетесь к вашему Божественному призраку, постарайтесь наконец понять, что ваша религия – всего-навсего, милая глупышка, отношения между созданием и Создателем,

хотя существование этого Создателя – пустая химера. Выслушайте же меня: я в последний раз попытаюсь вам объяснить это ясно и понятно...

– Надобно ее вы...ь, братец, – неожиданно вмешалась Дюбуа. – И хорошенько вы...ь. Яне знаю другого способа обратить ее в твою веру: просто невероятно, как быстро и легко женщина усваивает идеи того, кто ее е...т. Канделябр, в который вставляется светильник философии, называется совокупление. Все моральные и религиозные принципы отступают перед напором страстей. Ну так пробуди их в себе, и ты сумеешь ее перевоспитать.

Кер-де-Фер, заключив Жюстину в объятия, уже был готов немедленно претворить в дело мудрые советы сестры, когда цокот копыт заставил насторожиться всю шайку.

– К оружию! – воскликнул Кер-де-Фер, стараясь запрятать в штаны огромный орган, которым он уже вторично угрожал ягодицам несчастной Жюстины. – К оружию, дети мои, сейчас не время думать об утехах.

Они выскочили на дорогу, и уже через несколько минут в их лагере оказался новый пленник.

Приступили к допросу: кто он таков, чем занимается, что побудило его ехать в такую рань по заброшенной дороге. Путешественник отвечал, что он один из крупных лионских негоциантов, что зовут его Сен-Флоран, что ему тридцать пять лет, что он возвращается из Фландрии, куда ездил по торговым делам, что денег у него с собой мало, – все больше ценные бумаги, – что выехал он рано утром, чтобы не страдать от жары, рассчитывая к полудню добраться до Парижа, где ему предстояло заключить несколько сделок, задремал в пути, и лошадь занесла его в сторону от проезжей дороги. Рассказав все это, он попросил пощадить его жизнь и взять взамен все, чем он располагает.

Исследовали его бумажник добычу нельзя было назвать богатой. У Сен-Флорана имелось тысяч на сорок франков векселей, кое-какие безделушки и сто луидоров наличными.

– Друг мой, – произнес Кер-де-Фер, приставив пистолет к носу коммерсанта. – Вы сами понимаете, что за такую ничтожную сумму мы вас в живых оставить не можем: слишком велик риск, что вы на нас донесете.

– О сударь! – Жюстина бросилась к ногам красноречивого разбойника. – Умоляю вас в день моего вступления в ваше сообщество, не делайте меня зрительницей этого ужасного спектакля. Пощадите несчастного! Не отказывайте мне в первой же просьбе, с которой я к вам обращаюсь. – И, чтобы оправдать интерес, проявленный ею к лионскому негоцианту, Жюстина пустила в ход неожиданную для себя хитрость. – Услышав имя господина, я тут же подумала, что мы с ним, возможно, довольно близкие родственники. Не удивляйтесь, – повернулась она к пленному, – найдя родственницу в такой ситуации. Сейчас вы все поймете. Как родственнице, сударь, – продолжала она, все более воспаляясь и глядя на Кер-де-Фера своими живыми глазами, – как родственнице подарите мне жизнь этого человека. А я в благодарность с полным самоотвержением буду делать все, что послужит вашим интересам.

– Вы знаете, на каких условиях я соглашусь, Жюстина, оказать вам эту милость, – отвечал Кер-де-Фер.

– Ну что ж, сударь! Я сделаю все, – воскликнула Жюстина, бросаясь то к жертве, то к палачу – Да, да, я согласна на все, только, умоляю, пощадите его.

– Ладно, – согласился Кер-де-Фер, – но я хочу, чтобы ты выполнила свое обещание немедленно. – И с этими словами он хватает обоих и тащит их в ближайшую заросль. Там он прикручивает пленника к стволу дерева и, поставив Жюстину под этим же деревом на четвереньки, задирает ей юбку. Однако, готовясь совершить новое преступление, он по-прежнему держит пистолет у горла бедняги негоцианта. Жизнь Сен-Флорана зависит от покорности Жюстины. А та, смущенная и трепещущая, обнимая дрожащими руками колени пленника, безропотно готова встретить все, что уготовано ей их общим палачом.

Но Бог в который раз отвращает от Жюстины беду. И природа, подчиняясь велению Бога, надсмехалась над страстью разбойника: его разгоряченный механизм ослабил свою деятельность, едва достигнув перистиля храма, и никакие усилия не могли ему придать необходимую энергию.

– А, черт побери! – закричал в бешенстве Кер-де-Фер, – Я слишком разгорячен. Но может быть, на меня так подействовала моя снисходительность: надо немедленно прикончить этого пройдоху, и я снова буду способен на все.

– О нет, нет, сударь, – произнесла Жюстина, быстро оборачиваясь к грабителю.

– Да не дергайся ты, сука, – Кер-де-Фер крепко стукнул кулаком по спине Жюстины. – Твои чертовы кривлянья мешают мне. Очень мне надо видеть твое лицо, когда меня интересует только твой зад.

Он снова принялся за дело, и снова поражение.

– Ладно, – примирился со своей участью Кер-де-Фер, – Я слишком устал сегодня. Надо отдохнуть, пошли обратно.

Все трое вернулись к тесному кружку разбойников. И там Кер-де-Фер счел нужным еще раз предупредить Жюстину.

– Жюстина, – сказал он, – помните о вашем обещании, если хотите, чтобы я не забыл о своем. Я смогу раздавить этого червяка и завтра, раз уж на сегодня я его помиловал. Ребятки, – обратился он к сообщникам, – вы передо мной отвечаете за обоих. А вы, Жюстина, ложитесь рядом с моей сестрой. Я вас позову, когда настанет время. Но помните, что этот болван может жизнью поплатиться за вашу неверность.

– Спи спокойно, сударь, – отвечала Жюстина, – та, которая так благодарна вам за великодушие, думает прежде всего о том, как бы лучше расплатиться с вами.

Однако не таковы вовсе были подлинные намерения Жюстины. Вот вам один из тех случаев, когда сама добродетель вынуждена опереться о порок. Жюстина решила, что если ей когда-нибудь и позволительно коварство, то именно сейчас она должна воспользоваться такой возможностью. Ошибалась ли она? Мы это допускаем. Положение было щекотливым, это правда: ведь первейший долг порядочности заключается в несокрушимой верности данному слову, и никогда самое доброе дело, оплаченное ценой преступления, не сумеет выглядеть благородным. Ей предложили сохранить жизнь человеку ценой своего тела, и, не прими она эти условия или постарайся обмануть, дни этого человека были бы сочтены. И я спрашиваю, не совершила бы она еще большего, чем уступчивость пороку, зла, подвергая риску жизнь несчастного?

Как бы то ни было, наши доверчивые разбойники пили, ели, веселились и, наконец, погрузились в сон, оставив своего пленника без присмотра. Жюстина устроилась рядом с Дюбуа, которая тоже забылась в пьяном сне.

Увидев, что все благополучно заснули, Жюстина обратилась к Сен-Флорану.

– Сударь, – сказала она, – огромное несчастье забросило меня к этим людям. Они мне отвратительны, и я проклиная ту роковую минуту, что привела меня в их логово. По правде говоря, я не имею чести быть вашей родственницей, – продолжала Жюстина, – Моего батюшку звали... – И она назвала фамилию покойного отца.

– Как, мадемуазель! – прервал ее Сен-Флоран, – Вы, оказывается, из фамилии...

– Да, сударь.

– Тогда само Небо подсказало вам эту хитрость. Но вы никого не обманывали, Жюстина, вы и впрямь приходите мне племянницей. Моя первая жена, которую я потерял пять лет назад, была сестрой вашего батюшки. О, я поздравляю себя с этим счастливым случаем. Знай я о ваших несчастьях, я бы поспешил вам на помощь.

– Сударь, сударь, – возразила Жюстина с горячностью, – совсем не потому попыталась я вас спасти. О сударь, эти чудовища заснули, нам надо бежать, воспользуемся случаем. –

Говоря это, она заметила небрежно торчащий из кармана одного из разбойников бумажник своего дядюшки, потянулась к нему, вытащила осторожно из кармана.

– Бежим, сударь, – продолжала она. – Бросим все остальное, больше нам ничего не удастся спасти без риска. О мой дорогой дядюшка! Я предаю себя в ваши руки, примите участие в моей судьбе, станьте покровителем моей неопытности. Я в вашей власти, давайте же спасемся!

Трудно передать, что испытывал в эти минуты Сен-Флоран. Ожидание возможного спасения, тяжесть, которую ему предстояло взвалить на свои плечи, и страх перед разбойниками – все это привело его в такое смятение, что он не мог произнести ни слова.

– Как! – воскликнут иные из наших читателей. – Не должен ли был этот человек проникнуться нежнейшей признательностью к своей благодетельнице? Мог ли он думать о чем-либо другом, чем броситься перед нею на колени? Ну что ж, признаемся мы тогда: Сен-Флорану куда более пристало оставаться среди злодеев и мошенников, чем быть вырванным из их рук с помощью своей очаровательной и благородной племянницы. Более того, мы опасаемся, что Жюстина, избежав опасностей, которыми ей грозило соседство Дюбуа и других разбойников, в скором времени подвергнется еще большим угрозам, доверившись своему дорогому дядюшке! Да, да, именно с его стороны и после такого благодеяния, оказанного ему только что! Ах, разве нет достаточно испорченных натур, которых не сдержать никакими путями. Многочисленные препятствия только разжигают их! Мы не будем упреждать на факты: довольно будет знать, что Сен-Флоран, будучи в душе немного распутником и большим негодяем, не мог не прийти в возбужденное состояние при виде того весьма пикантного зрелища, которое открылось ему в столь грозные минуты. Прелести Жюстины, которыми природа щедро украсила ее словно бы с единственной целью – толкать людей на преступления, не могли не заронить в его душе преступных замыслов.

Между тем наши беглецы устремились поспешными шагами, не говоря ни слова, подальше от опасного места, и первые лучи Авроры застали их уже вне опасности, хотя из лесу они еще и не вышли. И вместе с проблесками денницы, заигравшими на восхитительных чертах Жюстины, в сердце ее спутника все сильнее разгоралась нечестивая кровосмесительная похоть. Жюстина представала перед ним феей цветов, раскрывающей по велению первых солнечных лучей венчики роз, и даже самим солнцем, озаряющим ночную темь. А она между тем шла впереди быстрым шагом, лицо ее разрумянилось, прекрасные волосы в беспорядке рассыпались по плечам, стан являлся взорам Сен-Флорана во всем своем великолепии. Время от времени она оборачивалась к нему с очаровательной улыбкой, сулившей, казалось, так много.

Говорят, что глаза – зеркало души. Пример Сен-Флорана опровергает это утверждение: самые черные замыслы гнездились в его душе, самыми нечестивыми желаниями была обуеваема она, но глаза Сен-Флорана светились мягкостью и благодушием. В них Жюстина могла бы прочесть лишь искреннюю радость от обретения такой несчастной и такой прелестной племянницы. А между тем взгляд Сен-Флорана, острый и пронизательный, отмечал все прелести Жюстины и проникал сквозь все покровы.

Вот в таком состоянии наши беглецы достигли Люзар-ша. В первом же встреченном трактире они остановились для отдыха.

Глава IV

Неблагодарность. Странный спектакль. Интересное знакомство на новом месте. Безбожие. Безнравственность. Нечестивый сын. Сердце Жюстины

Случаются такие обстоятельства, когда человеку, располагающему значительным состоянием, оказывается вдруг не на что жить. Именно это и случилось с Сен-Флораном: четыреста тысяч франков находилось у него в бумажнике, но он не располагал ни одним луидором, ни одним су. Это-то и привело его у дверей трактира в некоторое замешательство, не скрывшееся от глаз Жюстины.

– Успокойтесь, дядюшка, – сказала Жюстина, улыбаясь его смущению. – Разбойники, от которых мы избавились, не оставили меня без денег. Вот двадцать луи, возьмите их, пожалуйста, заплатите хозяину, что останется, раздайте нищим. Я ни за что на свете не стану пользоваться этим золотом.

Притворщик Сен-Флоран, игравший в благородство, которого в нем, как бы ни обманывалась на этот счет Жюстина, не было ни на грош, взял деньги лишь после того, как Жюстина приняла от него в свою очередь заемное письмо на сто тысяч франков.

– Берегите эту бумагу, – сказал он, – она ваша. Но это весьма слабая компенсация тех бесценных услуг, которые вы мне оказали, дорогая моя племянница. И помните, что я не оставлю вас своею заботой до конца дней своих.

За обедом Сен-Флоран заметил, как Жюстина о чем-то глубоко задумалась. Он спросил о причинах ее беспокойства.

– Сударь, – сказала она, пытаясь вернуть ему бумагу, – я не заслуживаю такого знака признательности и не могу позволить себе принять столь щедрый дар.

Сен-Флоран – человек умный и опытный, – и в этот раз сумел, однако, убедить свою племянницу, и ценное письмо, несмотря на все ее возражения, все-таки осталось в кармане у Жюстины. И все же выражение тревоги не покинуло ее лица. Тогда Сен-Флоран настоял на том, чтобы Жюстина рассказала ему всю свою историю, и она с чистым сердцем поведала ему все, закончив свою повесть опасениями по поводу неизбежного возвращения в Париж.

– Все это можно устроить, – отвечал коммерсант, – Здесь неподалеку живет одна моя родственница. Мы к ней отправимся, я вас представлю ей и попрошу приютить у себя, пока я самолично не улажу все ваши дела. Она самая порядочная женщина на свете, вы у нее будете чувствовать себя как у родной матери. Живет она в прелестной деревеньке возле Бонди. Мы можем отправиться к ней немедленно. Пойдемте, Жюстина. Мне не терпится как можно скорее делом доказать вам свою благодарность.

– О дорогой дядюшка! – Взволнованная, вся в слезах, Жюстина бросилась в объятия Сен-Флорана. – Сколько благородства в вашей душе!

И пока целомудрие проливалось слезы благодарности на груди изверга, его окаменевшее в преступлениях сердце все более одушевлялось жаром похоти от этих невинных ласк.

Небольшое происшествие, которое мы не считаем возможным скрыть от наших читателей, могло бы послужить разоблачению Сен-Флорана в глазах племянницы, обладай она более философским и умудренным взглядом на вещи. Но кроткие, доверчивые натуры обычно далеки от подозрений. Жюстина вышла из-за стола, чтобы посетить некий уединенный кабинет. Она не заметила, что следом за нею туда же отправился и Сен-Флоран. Тот устроился так, что, встав на стульчак, мог наблюдать все, что происходило в соседней кабине. Жюстина открыла похотливым взглядом негодяя, не подозревая о его присутствии, все, что приходилось открывать в подобных случаях. Лучшие округлости предстали перед Сен-Флораном во второй раз, окончательно укрепив его в преступном замысле против целомудрия этого прелестного создания. Но все-таки какие-то подозрения у Жюстины возникли.

Она заметила соглядатая и, поспешив ретироваться, не могла скрыть своего удивления. Сен-Флоран находчиво оправдывался и в конце концов сумел погасить настороженность юной девицы. Доверие было восстановлено, можно было отправляться в дорогу.

Было около четырех часов дня. Сен-Флоран еще далеко отстоял от разоблачения: он был сама предупредительность, сама порядочность, сама щепетильность. Даже с отцом родным Жюстина не могла бы чувствовать себя уверенней – неопытность никогда не слышит приближения опасности. Вскоре опускающаяся ночь начала разливать по лесу тот таинственный, почти мистический сумрак, который вселяет благоговейный ужас в сердца робкие, а сердца хищные, закостенелые во зле, толкает к преступлению. Путники двигались по узкой тропинке – Жюстина шла впереди. Там, где тропа раздваивалась, она обернулась к Сен-Флорану, чтобы спросить его, куда же следует идти дальше. И тут рассудок распутника помутился окончательно, постыдная страсть стала рвать все препоны: молчание леса, быстро сгущавшаяся тьма – все будило в нем низкие желания, и он надеялся, что теперь то ему удастся их удовлетворить. Он был напряжен, как струна, и похотливое воображение рисовало перед ним те прелести Жюстины, которые ему посчастливилось уже увидеть. Он уже не мог сдерживаться.

– Черт побери! – воскликнул он. – Здесь-то самое время тебя отделать. Я уже давно тебя хочу, мочи нет, и ты сейчас будешь моя! – И с этими словами он схватил Жюстину за плечи, пытаясь повалить ее на землю.

Отчаянный крик вырвался из груди Жюстины.

– А, паскудина, – в бешенстве закричал Сен-Флоран, – тебе не удастся разжалобить меня своими причитаниями. – И, ударив бедную девочку по голове своей тростью, он уложил ее без сознания к подножию дерева.

И вот Сен-Флоран, полновластный хозяин обеспамятевшей Жюстины, задирает ей платье, вытаскивает чудовищный орган из своих штанов и кидается на бедную жертву. Он придавливает ее к земле, раздвигает без всякого сопротивления ноги несчастного ягненка и яростно взрезает сочный плод, предназначенный для первых радостей нежной любви, но ставший – увы! – утехой преступления и порока. Злодей торжествует – Жюстина лишена невинности. Ах, какое ристалище открыто для упражнений негодяя! Так тигр рвет на куски бедного ягненка. Он то лакомится им, то рвет снизу доверху, он рычит; течет кровь, но это только распаляет его. И наконец, страсть изливается могучим потоком, знаменуя полное исполнение желаний сластолюбца. Он удаляется нетвердой походкой, сожалея лишь о том, что преступление, доставившее ему столько наслаждений, не может длиться вечно.

Но, пройдя едва ли десять шагов, он останавливается. Страсть вновь пробуждается в нем, и его начинает терзать сожаление, что он совершил лишь половину возможных злодеяний. Он вспоминает, что в карманах Жюстины остались подаренные им сто тысяч франков. И он возвращается за ними. Но чтобы добраться до карманов, надо повернуть на живот лежащую на спине Жюстину. Боже! Какие красоты открываются перед воспламенившимся взором кровосмесителя! «Как, – говорит он себе, любуясь восхитительным задом, белеющим перед ним, несмотря на ночной мрак, – я ведь им-то и соблазнился вначале! Что ж это я так безрассудно пренебрег этими прелестями? Вот еще одни первины, которые я должен отведать. Давай-ка попробуем этот дивный зад, который даст мне в сотню раз больше наслаждения, чем передний вход; раскроем его, разорвем без всякой жалости!»

Итак, бесчувственное тело Жюстины в полном распоряжении Сен-Флорана. Он приводит свою жертву в положение, наиболее благоприятное для исполнения своих ужасных намерений. Внимательно исследует он миниатюрное отверстие, куда ему предстоит вонзиться. Несоответствие ножен и шпаги лишь еще более возбуждает его. Он готовит оружие к бою, ничуть не смачивая его: всех этих предосторожностей, продиктованных боязнью причинить боль, истинное сластолюбие чуждается. Да и зачем бояться чужих страданий,

если они только увеличивают наше наслаждение? Злодей вонзает свое оружие и добрых полчаса наслаждается результатом своего вероломства. Наконец, сама природа кладет предел его силам.

Изверг удаляется, оставив жертву своего распутства лежащей на земле. Лишенную чести, почти без признаков жизни и вновь – без средств к существованию!

О человек! Во что превращаешься ты, когда одержим грехом и слушаешь только голос своих страстей!

Придя в себя и осознав положение, в котором она оказалась, Жюстина чуть было окончательно не решила свести все счеты со своею жизнью. «Чудовище, – воскликнула она, – что я ему сделала? Чем я заслужила такой поступок с его стороны?.. Он отнял у меня то, чем я дорожила больше всего на свете!

Тигры в диких лесах не бывают столь кровожадны!» За этими первыми порывами отчаяния последовало несколько минут молчаливого уныния. Жюстина безотчетно подняла заплаканные глаза, к небу, и ее сердце устремилось к тому Господину и Повелителю, который позволил свершиться всем ее несчастьям. Сверкающий чистыми, ясными звездами свод, величественное молчание леса – весь этот образ почивающей природы потряс смятенную душу Жюстины и пробудил в ней желание молиться. И она пала на колени перед Всемогущим Богом, которого отрицает разум и в которого так верует несчастье.

– Святой и Всемогущий! – молилась Жюстина. – Ты, Который в эти страшные минуты соблаговолил наполнить мою душу небесной радостью и не дал мне в отчаянии покончить с жизнью! Мой Защитник и мой Путеводитель, приняв всем сердцем Твою благодать, я зываю к Твоему милосердию. Ты ведаешь мою нужду и мои мучения, мое смирение и мои обеты. Ты знаешь, Боже Всемогущий, что я неопытна и бессильна, обманута и оскорблена. Я хотела творить добро по завету Твоему, но попущением Твоим была наказана. Да будет и впредь на все Воля Твоя, Боже Всемогущий; все, что Ты посылаешь, мне дорого и свято, и я уже не ропщу и не жалуясь ни на что. Но если в этом мире мне суждено встречать только беды, молю Тебя, мой Повелитель, да не оскорбит Тебя моя просьба: призови меня к Себе, дабы я могла молиться без страха и обожать Тебя вдали от этих испорченных людей, принесших мне одни огорчения, заставивших меня пролить столько слез. Возьми меня из этой юдоли скорби.

Молитва успокоила бедняжку: она непоколебимо верила в небесную химеру, и эта вера укрепляла ее. Состояние отчаяния – это род безумия, а на безумных не действуют доводы разума.

Жюстина поднялась с земли, привела себя в порядок и пошла в глубь леса.

Совсем другие мысли терзали Сен-Флорана. Он принадлежал к тем существам, для которых в преступлении таится столько привлекательного, что они никогда не могут насытиться им. Первое преступление для них – всего лишь затравка, за которой следует еще одно, более крупное. Эта жажда никогда не знает меры.

«Ах, какой прелестной девственностью сумел я попользоваться, – размышлял этот низкий человек, сидя под деревом шагах в двухстах от того места, где он оставил Жюстину, – Какая невинность! Какая свежесть! Как она меня зажгла, как возбудила! Да я бы задушил ее, вздумай она сопротивляться... А может, я зря оставил ее в живых... если она кого-нибудь встретит, она донесет на меня... меня станут преследовать... и тогда я пропал... кто знает, как далеко зайдет месть оскорбленной девицы?.. Надо ее прикончить... Что изменится в мире, если исчезнет это жалкое создание?.. Это же червь, которого можно раздавить походя... Да, надо возвращаться!»

И он поспешил обратно, – Жюстины на месте не оказалось. Сен-Флоран стал громко звать ее; она услышала его голос и еще более ускорила шаги. Оставим же теперь этого

перепуганного, обескураженного злодея, пусть он идет своей дорогой, может быть, мы еще встретимся с ним.

А теперь сюжет заставляет нас следовать за Жюстиной, ни на миг не выпуская ее из виду.

«Что же это за чудовище, – спрашивала себя Жюстина, торопливо углубляясь в чашу. – Что ему еще от меня надобно? Неужели ему недостаточно того, что он уже сделал со мной! Что еще он задумал?» И она забилась в глубь чаши и притихла там, чтобы избежать встречи с человеком, разыскивающим ее лишь для того, чтобы убить. В страшной тревоге провела она остаток ночи.

Рассвет застал Жюстину в горьких размышлениях. «Выходит, – думала она, – иные человеческие существа ничем не отличаются от диких животных. Они так же вынуждены скрываться в лесной чаще от хищников. Какая разница между ними и моим теперешним состоянием? Стоит ли родиться на свет, чтобы жить такой жизнью».

И целый ручей слез хлынул из прекрасных глаз Жюстины.

Едва она с трудом уняла свои рыдания, как вдруг некий шум заставил ее насторожиться. «Боже мой!.. Опять этот варвар! – произнесла она с содроганием. – Он меня преследует, он хочет меня погубить. Я погибла!» Она спряталась в густом кустарнике как можно тщательнее, но так, чтобы поле ее зрения не было закрыто листвой.

Два человека явились причиной этого шума. «Иди сюда, друг мой, – сказал один из них, – судя по всему господин, – юноше, следовавшему за ним. – Здесь нам будет хорошо. Здесь мы избавлены от несносного шпионства моей омерзительной матери, и никто не мешает мне в этом потаенном уголке сейчас же вкушать с тобой столь сладостные для меня наслаждения». Так вот переговариваясь, они приблизились к кустарнику, в котором пряталась Жюстина, и расположились так, что ни одно их слово, ни одно их движение не могло укрыться от ее глаз и слуха. И вот господин – на вид ему было около двадцати пяти лет, – расстегивает штаны своего слуги, выглядевшего лет на пять моложе, подергивает его член, сосет его и заставляет тем самым оказаться во всеоружии. И началась сцена долгая, неприличная, полная эпизодов, где сладострастие легко смешивалось с мерзостями, приводящими в ужас ту, что содрогалась и от менее непристойных вещей. Но в чем же заключались эти мерзости? Мысленно представляем себе иных читателей, для которых именно эти грязные подробности, а не многообразные достоинства добродетельной Жюстины составляют главный интерес повествования. Они, читатели эти, умоляют нас сбросить покров с изображения подобных поступков. Ну что ж, тогда мы расскажем им, что молодой господин ничуть не страшился грозящего ему чудовищного копья. Напротив. Придя в неопишное возбуждение, он покрыл его поцелуями, затем схватил его обеими руками и, совершенно обезумев от восторга, ввел его себе в зад. Восхищенный этими содомскими ласками, плут бился под пронизывающим его могучим инструментом, громко сожалея, что он, оказывается, далеко не столь велик, как ему хотелось бы. Великолепно встречал он мощные удары этого инструмента, отвечая ему встречными движениями... Чета нежных и пылких законных супругов обменивалась бы ласками менее страстными, чем эти двое: губы прижаты к губам, язык встречается с языком, стоны одного заглушаются стонами другого и, наконец, опьяненные сладострастием, оба заканчивают эту оргию обильными взаимными излияниями. Но служба почти тотчас же возобновляется, и, чтобы вновь разжечь курильницу, не упускается ничего из необходимого: поцелуи, игривые легкие прикосновения, другие тонкости самого извращенного разврата – все используется для пробуждения погаснувших сил, и это удается пять раз кряду. И все пять раз распутники не меняются местами. Молодому хозяину постоянно отводится роль женщины, хотя он и сам обладает превосходным органом, который беспрестанно ласкает его лакей, и мог бы отлично исполнить и роль мужчины. Но у него, очевидно,

и в мыслях этого нет. Он внимательно разглядывает и ощупывает инструмент своего любовника, ласкает его, сосет – и все лишь для того, чтобы тот вновь воспрянул и ринулся в битву.

Как утомительно долго длилась для Жюстины эта сцена и как разрывалась ее душа от необходимости наблюдать все это!

Наконец, насыщенные и утомленные участники этого скандального спектакля поднялись, чтобы снова двинуться в путь. Молодой хозяин отошел к кустарнику, в котором пряталась Жюстина, желая очистить свой зад от обильных возлияний, доставшихся на его долю. Приподнимаясь, он заметил краешек платка, покрывавшего голову Жюстины. «Жасмин, – позвал он своего слугу, – мы преданы, нас разоблачили... Женщина, нечистая тварь, видела наши таинства. Подойди-ка. Вытащим эту мерзавку и узнаем, что она здесь делает».

Перепутанная Жюстина не дала им времени осуществить задуманное: она сама выскочила из кустов и бросилась к ногам молодых людей.

– Господа, – воскликнула она, протягивая к ним руки, – удостойте милосердия несчастную, чья судьба заслуживает сожаления больше, чем вы можете вообразить. Мало кто может равняться со мною в этом... Пусть положение, в котором вы меня застали, не внушает вам никаких подозрений: оно скорее следствие моих несчастий, а не моих поступков. Вместо того чтобы увеличивать число моих бед, пожалуйста, помогите мне облегчить хоть как-нибудь это невыносимое бремя.

Господин де Брессак, а именно таково было имя молодого господина, будучи человеком весьма злобным и развратным, не обладал чувством сострадания. К сожалению, сладострастие обычно заглушает в человеческом сердце и жалость, и отзывчивость. Оно лишь ожесточает. То ли потому, что постоянный поиск наслаждений ведет к душевной апатии, то ли потому, что мощные потрясения плоти угнетают нервную систему и притупляют чувственность. Во всяком случае, распутник редко бывает отзывчивым, умеющим сострадать человеком. Но эта, обычная для людей, о которых мы говорим, черствость соединялась в Брессаке еще с глубочайшим отвращением к женщинам, закоренелой ненавистью ко всему, что отличает этот грязный, по выражению Брессака, пол. Так что у Жюстины было мало надежд пробудить в нем те чувства, на кои она рассчитывала.

– Пташка лесная, – сказал он сурово, – ищи дураков в другом месте: ни меня, ни моего друга женщины ничуть не трогают. Они внушают нам ужас, и мы бежим от них. Если ты хочешь испросить милостыню, поищи людей, способных на добрые дела. Мы же всегда творим только дурные. Кстати, скажи-ка, несчастная, ты видела, что мы делали с этим молодым человеком?

– Я видела, как вы разговаривали, сидя на траве, – ответила предусмотрительная Жюстина, – и ничего больше, клянусь вам.

– Мне хочется тебе верить, – сказал Брессак, – и в этом твое спасение. Если бы я узнал, что ты выведала еще что-нибудь, ты бы отсюда не выбралась... Жасмин, – повернулся он к слуге, – еще рано, и у нас есть время послушать историю этой девицы. Послушаем, а потом решим, что с ней делать.

Молодые люди уселись на траву, а Жюстина, устроившись возле, рассказала им со своей обычной наивностью о всех тех бедах, которые обрушились на нее со дня ее рождения.

– Итак, Жасмин, – сказал, поднимаясь с земли, Брессак, – будем на этот раз справедливы.

Беспристрастная Фемида вынесла приговор этому созданию. Не допустим, чтобы желания богини были жестоко обмануты, и приведем в исполнение тот приговор, который был этой преступнице вынесен. Убьем ее!.. Это убийство не может считаться преступлением: мы всего лишь восстанавливаем моральный порядок. Ведь мы, к несчастью, нередко его нарушаем. Воспользуемся же смело возможностью, которую нам предоставляет случай.

И вот жестокосердцы, подняв несчастную с земли, потащили ее к группе деревьев, смеясь над ее слезами и воплями. «Разденем ее для начала», – сказал Брессак, срывая с Жюстины одежду. Все, чем может привлечь мужчину противоположный, столь презируемый Брессаком пол, открылось его глазам. Жюстина лежала на земле в глубоком обмороке.

– Мерзкое существо – женщина, – говорил Брессак, ногой переворачивая бесчувственную Жюстину на спину, – Мерзкое животное, не правда ли, Жасмин? – Он смачно сплюнул на землю и продолжал: – Скажи-ка, мой любимый, тебе что-нибудь нравится в этом животном?

– Ничего, даже задница, – отвечал лакей.

– Вот то, что дурням представляется божеством, то, что так обожают эти идиоты... Взгляни на этот живот с дыркой внизу, на эту мерзкую вагину... Вот он, этот нелепый храм, мастерская человеческих поколений. Нет, ни капельки жалости, Жасмин! Давай привяжем эту мошенницу.

На бедную девочку накинули путы, сплетенные из галстуков и носовых платков ее мучителей. Привязанная за руки и за ноги сразу к четырем стволам, она испытывала страшные мучения: холодный пот покрывал ее чело, голова свесилась на грудь, тело сотрясали судороги. Ей казалось, что она вот-вот испустит дух. И чем больше она страдала, тем в большее возбуждение приходили устроители это спектакля: со сладострастным удовольствием они наблюдали эти муки.

– Ну, теперь хватит, – сказал Брессак, – я полностью удовлетворен на этот раз.

– Жюстина, – продолжал он, развязав ее и приказав ей одеться, – не болтайте об этом происшествии и ступайте с нами. Если вы останетесь со мной, вам не придется раскаиваться. Моей матери требуется камеристка, я приведу вас к ней; судя по вашим рассказам, я вполне могу за вас поручиться. Но если вы злоупотребите моей добротой, если вы обманете мое доверие или откажетесь следовать моим указаниям, взгляните на эти деревья, присмотритесь к земле под их ветвями – именно здесь вы будете похоронены. И помните, что от нашего поместья до этого мрачного места всего лишь одно лье. Так что доставить вас сюда будет чрезвычайно легко.

Самый пустой призрак благополучия подобен для несчастного утренней росе, появившейся на увядших накануне цветах, – под лучами солнца она переливается алмазами, и цветы кажутся живыми. Жюстина в слезах кинулась в ноги тому, кто показался ей ее будущим верным покровителем. Она клялась быть послушной и исполнительницей. Варвар Брессак, столь же бесчувственный к радости Жюстины, как и к ее наивной печали, лишь сухо бросил ей: «Посмотрим...»

Они отправились в путь. Молодые люди шли впереди, о чем-то вполголоса переговариваясь, Жюстина следовала за ними молча. Через час с четвертью они подошли к замку госпожи де Брессак, роскошь и величие которого сказали Жюстине, что, какое бы место она там ни занимала, все у нее будет прекрасно и жить она будет в довольстве. Только бы чья-нибудь злая воля не разрушила это благополучие.

Через полчаса после их прихода в замок Брессак позвал Жюстину к своей матушке.

Госпожа де Брессак была женщиной лет сорока пяти, еще красивой, благородного вида, но чрезвычайно строгих взглядов на нравственность. Гордясь тем, что не совершила в своей жизни ни одного ложного шага, она не прощала слабостей другим. Вследствие этого сын не питал к ней нежных чувств, и она, если можно так сказать, вырвала его из своего сердца. Брессак, как мы уже узнали, был грешен во многом. Но где проще всего можно добыть индульгенцию, как не в материнском сердце? Муж госпожи де Брессак, отец молодого человека, оставил ее вдовой два года назад, присоединив к ста тысячам экю ее ежегодной ренты свое состояние, составлявшее сумму гораздо большую, так что юный злодей наследник должен был бы иметь почти миллионный ежегодный доход. Но вопреки его большим ожида-

ниям госпожа де Брессак установила сыну мизерный пансион: могло ли хватить двадцати тысяч франков на оплату его развлечений? Этот вид сладострастия обходится дорого. Разумеется, мужчины стоят дешевле женщин, но вожделение к ним у людей такого рода возникает гораздо чаще: ведь стремишься быть не только любовником, но и любовницей.

Ничто не могло заставить юного Брессака поступить на какую-нибудь службу: он решительно отметал все, что могло бы хоть в какой-то степени ограничить его распутные прихоти.

Три месяца в году госпожа де Брессак проживала в замке, в котором должна была теперь служить Жюстина. Остальное время она проживала в Париже. Но эти три месяца сын должен был неотлучно находиться рядом с нею. Какое мучение для человека, ненавидящего свою мать! Любо́й день, проведенный им вне Парижа – центра всех мыслимых наслаждений, казался юному Брессаку потерянным.

Брессак приказал Жюстине рассказать своей матери все, что Жюстина уже рассказала ему. Как только она закончила рассказ, почтенная дама обратилась к ней с такими словами: «Ваше чистосердечие и наивность позволяют мне не сомневаться в искренности ваших слов. Единственное, что я хотела бы знать точно, так это то, что вы действительно дочь того человека, которого вы называли своим отцом. Если это так, то я была знакома с вашим батюшкой, и это для меня самый веский довод в вашу пользу. Что же касается дела Дельмонс, то я берусь это устроить всего за два посещения министра финансов – моего друга с незапамятных времен. Женщина эта, впрочем, существо погибшее, погрязшее в распутстве, репутация ее известна, и я бы легко могла добиться ее заключения в тюрьму. Но прежде, Жюстина, уясните себе, – добавила госпожа де Брессак, – что все это я могу для вас сделать лишь в случае вашего безупречного поведения. Таким образом, вы знаете теперь, как важна для вас моя благодарность».

Бросившись в ноги нежданной благодетельнице, Жюстина принялась уверять ее, что у той не будет ни малейшего повода для неудовольствия. Все было решено тут же: служба Жюс-тины началась.

По прошествии нескольких дней справки, наведенные госпожой де Брессак, подтвердили справедливость рассказов Жюстины; она была осыпана похвалами за ее правдивость, и все горькие мысли тут же улетучились из ее сознания, уступив место самым радужным надеждам. Но, видно, так уж было начертано на небесах, что этому юному существу не суждена была благополучная жизнь, и за минутами безмятежного покоя неизбежно должны были следовать тяжелейшие потрясения.

Приехав в Париж, госпожа де Брессак поспешила потрудиться для своей камеристки: лживость обвинений Дельмонс была подтверждена, но это ничуть той не повредило. Выехав незадолго до этого в Америку для принятия выпавшего ей богатого наследства, она по воле небес осталась безнаказанной. Впрочем, так чаще всего и случается: преступник, уходя от возмездия, вполне может вкушать плоды своего преступления.

Что же касается пожара в тюрьме, то было установлено, что, хотя Жюстина и воспользовалась этим происшествием, в поджоге она никоим образом замешана не была, и судебное дело против нее было прекращено.

Тот, кто уже сумел достаточно узнать душу нашей героини, легко представит себе, как выросла ее привязанность к госпоже де Брессак Юная, чувствительная, доверчивая Жюстина радостно раскрыла свое сердце для чувства благодарности. Свято веря в тесные узы, связывающие того, кто творит благодеяние, с тем, кому оно оказывается, бедняжка впала всей своей непорочной душой в почти детское обожание благодетельницы. Но в намерения молодого человека никак не входило такое подчинение Жюстины его матери, которую он, как мы уже говорили, терпеть не мог. И теперь, мы полагаем, наступила пора более детально изобразить этот новый персонаж.

Брессак соединял в себе с обаянием молодости самую соблазнительную внешность. Если в его фигуре и в манере держаться и было что-то неприятное, так это некоторая расслабленность и та изнеженность, свойственная, как правило, женщинам. Ссудив его внешними чертами, присущими слабому полу, природа позаботилась и о том, чтобы привить ему и соответствующие вкусы. Но какая, однако, варварская душа скрывалась под этим женственным обликом! В ней можно было встретить все пороки, свойственные самым отъявленным злодеям: злобность, мстительность, жестокость, безверие, распутство, полное пренебрежение всеми человеческими обязанностями. Существом самым ненавистным на свете была для этого страшного человека его собственная мать. Госпожа де Брессак делала все, чтобы вернуть своего сына на стезю добродетели, но применяла слишком суровые методы, и в результате молодой человек, взбешенный этой суровостью, предавался своим порокам с еще большим пылом, а бедная дама получала на свой счет еще большую порцию ненависти.

– Не думайте, пожалуйста, – однажды сказал Брессак Жюстине, – что моя мать по своей воле занималась так ревностно вашими делами. Поверьте, что, если бы я ей не надоел поминутно, она едва бы вспомнила о том, что вам наобещала. Вы благодарите ее за каждый шаг, а ведь это все – только моя работа. Да, Жюстина, это я должен получать от вас ту признательность, которую вы высказываете моей матери.

Конечно, я для вас малоинтересен. Вы, юная, красивая женщина, знаете, что мне не нужны ваши прелести. Нет, мое дитя, нет, дело в другом: испытывая глубокое отвращение ко всему, что делает женщину женщиной, я жду от вас услуг совсем иного рода, и когда вы убедитесь во всем том, что я сделал ради вашего успокоения, я надеюсь найти в вашей душе тот отклик, на который я вправе рассчитывать. Подобные, повторяющиеся нередко, разговоры были Жюстине не совсем ясны, и она толком не знала, что отвечать. Но все же отвечала, и, может быть, с излишней легкостью. Стоит ли в этом признаваться? Увы, скрывать ошибки Жюстины – значит обманывать доверие читателя и забывать об интересе, который до сих пор вызывали в нем именно эти ее ошибки и неудачи.

Как бы недостойно ни вел себя с нею Брессак в первый день их знакомства, она оказалась не в силах противиться захватившему ее нежному чувству к молодому человеку. Росту этого чувства способствовала и благодарность, испытываемая Жюстиной к нему, и возможность ежедневно любоваться дорогим существом. Словом, Жюстина полюбила этого отъявленного злодея с тем же пылом, с каким она поклонялась своему Богу, своей религии – добродетели. Сотни раз размышляла она о жестокосердии этого человека, о его отвращении к женщинам, о его развращенности, об их столь разительно отличавшихся взглядах на мораль – и все напрасно: ничто не могло погасить разгорающееся пламя. Потребуй Брессак у Жюстины ее жизнь, она отдала бы ее, сожалея лишь о том, что не располагает ничем большим, что можно было бы отдать единственной радости своего сердца. Такова любовь! Вот почему греки изображали ее с повязкой на глазах.

Но о своей страсти Жюстина молчала, а неблагодарный Брессак был далек от того, чтобы задумываться, почему при встрече с ним глаза Жюстины наполнялись слезами. А, право, нетрудно было догадаться об этом по той стремительности, с какой она бросалась выполнять его желания. Правда, эту стремительность можно было объяснить себе и желанием скрыть, насколько позволяло Жюстине ее воспитание, грехи Брессака от неусыпного взора его матери. Но как бы то ни было, своим поведением, столь естественным для обольщенного сердца, Жюстина заслужила полное доверие Брессака, а все, что исходило от ее дорогого возлюбленного, приобретало в глазах Жюстины такую цену, что, воображая себя порою добившейся его любви, она была готова простить ему и его разврат, и его озлобленность, и даже самое страшное – все его замыслы против матери.

Невероятно, но Брессак осмелился однажды сделать Жюстине такое предложение: «Среди тех людей, Жюстина, – сказал он, – которых я совращаю, некоторые соглашаются

на это только из любезности. К тому же им, чтобы прийти в то состояние, какое мне требуется, необходимо увидеть обнаженную молодую женщину. Конечно, это для меня несколько оскорбительно, я бы хотел сам приводить их в такое состояние, но что делать? И раз уж это необходимо, я бы предпочел тебя всем другим женщинам. Я уверен в тебе. Ты уединишься с ними в моем кабинете и приведешь их ко мне только тогда, когда они будут вполне готовы».

– О сударь! – заплакав, ответила Жюстина, – Как вы можете предлагать мне такие вещи! И видеть вас, предающегося...

– Ах, Жюстина, – прервал ее Брессак, – разве можно когда-нибудь избавиться от этих склонностей! Если бы ты только могла понять всю сладость иллюзии почувствовать себя женщиной, не будучи ею! Какая странная причуда ума – ненавидеть женский пол и стремиться ему подражать. Как сладко преуспевать в этом! Как восхитительно быть любовницей всех, кто тебя пожелает! Отдаться в один и тот же день грузчику, лакею, солдату, извозчику; быть для них предметом любви, ревности, нежности. Быть обласканным, расцелованным, избитым и почти изнасилованным. Чувствовать себя победителем в их объятиях и побежденным у их ног, измучить их ласками и вновь пробудить излишествами. Ах нет, Жюстина, ты не понимаешь, какая радость во всем этом для природы, подобной моей. Забудь мораль! О, если бы ты могла представить себе, как изысканны эти легкие прикосновения, это начальное щекотание нервов, а потом... взрыв страсти, безумие, потеря рассудка! Сотни поцелуев, один горячее другого, объятия делаются все теснее, мы переплетаемся, мы становимся единым существом. Мы жаждем, чтобы могучий, как Геракл, наш любовник проникал в нас все дальше и дальше, разрывал нас, чтобы его драгоценное семя заливало наши внутренности, обжигая их, в то время как мы проливаемся ему в руки. Ведь мы, Жюстина, созданы иначе, чем другие мужчины, и ту перегородку, которая преграждает путь в глубину вашей дыры, небо поместило у нас в противоположном месте, там, где мы приносим жертвы нашим возлюбленным. Нет ни одного из наслаждений, присущих вам, которым бы мы не насладились. Все ваши ухищрения знакомы и нам. Но мы обладаем еще и большим: мы никогда не изменяем своим причудам и мы преданы им до смерти.

Вот так изъяснялся господин де Брессак, проповедуя свои вкусы. Жюстина попыталась было напомнить ему об уважаемой женщине, которой обязан он своим появлением на свет, о том горе, которое он доставляет ей своими привычками. Однако она заметила в молодом человеке лишь досаду, нетерпение и злость на то, что он не может воспользоваться тем богатством, которое должно бы ему принадлежать. Она видела в нем одну лишь невыносимо жгучую ненависть к этой столь почтенной и добродетельной женщине, видела его бешеное возмущение необходимостью соблюдать то, что принято называть родственными чувствами и что на самом деле, при внимательном анализе, оказывается лишь пустым предрассудком.

Истинно, однако, то, что, преодолев этот предрассудок, легко переступить и через сотни других. Порой неугомонная Жюстина прибегала и к аргументам религиозным. Черпающая утешение в этой химере, она пыталась посеять иллюзии и в душе молодого распутника.

Но Брессак – открытый противник божественных таинств, упрямый оппонент церковной догматики, озлобленный враг своего Творца, вместо того чтобы прислушаться к доводам Жюстины, предпочел склонять ее на свою сторону, дабы осветить потемки ее души светом философии и тем покончить со всеми предрассудками.

– Все религии, – говорил он ей в один прекрасный день, – исходят из одной и той же ложной предпосылки о необходимости Творца, существование которого нельзя, однако, ни доказать, ни признать. Вспомни-ка наставление Кер-де-Фера, который, по твоим словам, старался так же, как и я сейчас, тебя образумить. Нет ничего мудрее рассуждений этого разбойника, которого я почитаю за чрезвычайно умного человека. Пусть он находится на самом дне жизни, его рассудку это ничуть не мешает. Если все творения природы есть следствие

законов, которым она подчиняется, если все действия и противодействия суть необходимые движения ее сущности, кто же является тогда верховным властелином, предоставляющим всему и вся, просто так, даром, без всякой видимой причины возможность существовать? Вот что говорил тебе твой наставник, милая девочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.